

Вальсингамские деvy

Автор:

[Анна Морион](#)

Вальсингамские деvy

Анна Морион

1834 год, Англия. Бедная, забытая Богом и короной деревня Вальсингам, жители которой находят утешение лишь в своей вере. Главой деревни является пастор Глоуфорд – глубоко уважаемый и горячо любимый своими прихожанами. У пастора, как три прекрасных цветка, растут три дочери, разные в характере, мечтах и стремлениях. Жизнь в деревне идет своим чередом до тех пор, пока неожиданный визит нового лендлорда не нарушает покой ее жителей. Этот визит приносит сестрам Глоуфорд новые надежды на будущее. Каждая из девушек идет по своим дорогам, на которых их поджидают мировые искушения, что иногда трудно преодолеть даже самому любящему сердцу.

Анна Морион

Вальсингамские деvy

Глава 1

1834 год, Англия.

Из старой, каменной церквушки доносился нестройный хор голосов, исполняющих англиканский хвалебный гимн под аккомпанемент дурно звучащего старого органа. Была вечерня. В деревушке Вальсингам никогда не

пропускали богослужений.

Деревня, забытая Богом и разрушающаяся уже сотни лет, давно превратилась в «гнилое местечко», как называли ее в Парламенте Англии. Жителями этого «гнилого местечка» были сто пятьдесят один человек, большей частью – женщины и дети. Здесь жили самые обычные крестьяне, отличающиеся от остальных английских крестьян лишь одной особенностью – они были отвратительно бедны, но в этой своей нищете лелеяли свои жизни, семьи и души как зеницу ока. Бедность не смущала их, ведь англиканская вера и почитание Девы Марии Вальсингамской придавали им силы и смысл жизни даже среди этой ужасной, отталкивающей бедности. Лендлорд части графства Норфолк, на котором находился Вальсингам, казалось, забыл, а может, просто не знал о том, что на его земле приютилось это обособленное общество глубоко-религиозных и чистых душой крестьян.

– Теперь же, братья и сестры во Христе, помолимся Отцу нашему.

Прихожане усердно и искренно принесли Богу свои молитвы, затем пастор благословил людей, они встали с потрескавшихся, черных от времени, деревянных скамей и разошлись по домам.

Так было испокон веков: едва оканчивалась служба, крестьяне торопились к своим каменным, прохудившимся домам, чтобы успеть подоить рогатую скотину, покормить птицу и привести в порядок свои убогие жилища, и лишь после этих трудов накормить себя и своих детей. Перед сном глава каждой семьи по слогам читал Священное Писание, а когда гас маленький огарок сальной свечи, семьи молились и ложились спать на старые, набитые соломой тюфяки, лежащие на глиняном полу, чтобы всю ночь отмахиваться от прожорливых клопов.

Но сегодняшний вечер был не совсем обычным: утром среди жителей Вальсингама пронесся слух, будто у них появился новый лендлорд, но, кем он был, не знал никто, однако все с удовольствием делились с соседями своими предположениями и смаковали эту новость как лакомство. Люди передавали друг другу собственные ожидания того, как новый лорд приведет в порядок деревню и церковь, которая была центром этой маленькой вселенной, ведь он – новый лорд, несомненно, будет честным малым и глубоко заинтересованным судьбой своих крестьян. Новые чаяния и надежда на перемены стали пищей для крестьянских умов, уже почти разучившихся мечтать, даже несмотря на настоятельные увещевания многоуважаемого пастора Глоуфорда не мечтать

раньше времени: ведь, если Господом положено сотворить благо через нового лендлорда, то это случится, а если нет – такова Его воля. На вечерне крестьянам было объявлено, что завтра утром на воскресную службу приедет новый лендлорд, собственной персоной, поэтому многие не смогли уснуть в эту ночь, от раздумий о будущем.

Несмотря на собственные трезвые увещевания, и сам пастор Глоуфорд был полон надежд: он знал, что новый лендлорд принесет деревне или много счастья, или много горя, поэтому он и его семья молили Бога, чтобы рукою лендлорда Он принес крестьянам этой бедной, почти бесплодной земли облегчение в их тяжких трудах.

Пастор Глоуфорд пользовался в деревушке большим авторитетом и всеобщим уважением: он был служителем Бога, глубоко-религиозным человеком, духовным наставником крестьян, всегда готовым прийти на помощь своим прихожанам во всех их бедах. После окончания Духовной семинарии молодого образованного человека с большими амбициями послали в эту глушь, но пастор Глоуфорд быстро смирился со своей участью, стал еще более рьяным в вере, женился на местной, бедной, необразованной, но доброй и красивой девушке Эмме Джонс, и родил с ней трех дочерей, как солнце освещающих его приближающуюся старость. Однако теперь его любящая жена уже семнадцать лет спала вечным сном под сенью могучего дуба на общественном деревенском кладбище. Пастор помогал бедным (хотя богатых и даже зажиточных здесь не существовало), иногда лечил их, а также вел для прихожан курсы обучения базовой грамматики, чтобы они могли читать Писание и Новый завет. За эти душевные качества и доброту пастора и любили: свои любовь и уважение к нему прихожане выражали дарами его семье продуктов питания, так как своего домашнего скота у нее не было, впрочем, как и любой другой живности. Семья Глоуфордов выращивала на небольшом участке земли злаки, но этого не хватало, чтобы накормить четырех взрослых людей. Продажа грубой домотканой ткани, которой занимались девушки Глоуфорд, не приносила почти ничего, и сам пастор был так же беден, как и его прихожане.

Девиц Глоуфорд любили не меньше их отца. Старшей из них – Кэтрин было двадцать шесть лет, она была самой умной среди сестер и после смерти матери, с девятилетнего возраста, несла на себе ответственность за дом, став в нем полноправной хозяйкой, так что, даже отец не смел перечить ей. Кэтрин любили за спокойный, рассудительный характер, за трезвый ум и умение помочь в прочтении и истолковании Писания (хотя пастор был недоволен данной

вольностью). Несмотря на свой уже не юный возраст, девушка сознательно не выходила замуж, хотя многие деревенские мужчины предлагали ей брак, но на это у Кэтрин была веская причина – она не могла «бросить» отца и сестер, особенно младшую Кэсси. Кэтрин была похожа на отца – рассудительна, так же глубоко религиозна, добра, трудолюбива, терпелива и даже внешне нельзя было усомниться в ее происхождении: довольно высокая, худая, с красивым лицом, на котором выделялись точеные скулы и большие карие глаза. Свои волнистые, темные волосы девушка никогда не распускала, но тщательно прятала их под чепцом. Кэтрин была не только хозяйкой, но и славной дочерью и сестрой: после смерти матери она вырастила сестер, и семья была для нее всем, разумеется, после веры.

Средняя дочь пастора Кристин отличалась от старшей сестры всем: она была немного ленива, не любила физический труд и часто неохотно выполняла то, чего требовала от нее Кэтрин. Особенно не любила Кристин заботиться об их младшей сестре Кэсси, которую считала обузой и незаслуженно вобравшей в себя удивительную красоту. Кристин отталкивала от себя Кэсси и, несмотря на то, что глубоко в душе любила ее, не могла простить ей «убийства» матери. Девушка была довольно эгоистичной и самовлюбленной, но очень красивой, и этот факт был известен ей: тоненькая фигура, темно-карие глаза, обрамленные длинными густыми ресницами, волнистые темные волосы. Как и старшая сестра, Кристин пошла в отца, но, в отличие от Кэтрин, которая не придавала значения своей красивой внешности, Кристин знала, как подчеркнуть свою красоту даже в условиях безысходной бедности Вальсингама, которую она ненавидела. В свои двадцать три года она, как и Кэтрин, была не замужем, но из-за эгоистичных оснований. Но, даже зная ее капризный характер, вальсингамцы любили Кристин: слишком красивой она была.

Особой любовью в деревне пользовалась младшая девица Глоуфорд – Кассандра, которую все ласково называли Кэсси, – прелестная семнадцатилетняя девушка с непослушными, кудрявыми, золотистыми, как у матери, волосами и темно-голубыми, почти синими глазами. Она была лучом света в сером бытии деревни: игривая, веселая, неловкая и добрая, Кэсси смущалась чужих людей, и это придавало ей особой прелести. Девушка горячо любила Кэтрин, но побаивалась Кристин. Любимым занятием Кассандры были игра с куклой, созерцание цветов и жуков на них, а летом – бегание по окрестностям, в компании местных ребяташек.

Сестры Глоуфорд присутствовали на всех службах, что проводил их отец, но каждая из девушек чувствовала себя в церкви по-разному: Кэтрин с почитанием внимала голосу отца, следила за Писанием, когда он ссылался на него, и с воодушевлением пела гимны; Кристин же считала, что зря теряет время, и на службах думала о чем угодно, только не о Боге, а Кассандра часто спала, сидя на скамье и положив голову, покрытую белым чепцом, на плечо Кэтрин, а когда просыпалась, всегда посмеивалась над непонятными словами и смешными, на ее взгляд, фразами Писания.

Жизнь в Вальсингаме протекала тихо, как течет почти пересохший ручей: люди жили, погружившись в свой маленький мир, в свою общину, но появление в ней нового лица – лендлорда, взбудоражило их, и они с нетерпением ждали завтрашней воскресной службы.

Глава 2

– И почему все так ждут приезда этого лорда? – спросила Кэтрин отца, когда Глоуфорды ложились спать.

Домик Глоуфордов был старым и маленьким, но сестры и их отец жили в разных комнатах: с рождением Кэсси, пастор разделил одну большую комнату на две, оставив дочерям большую, а сам довольствовался уголком, в котором помещался его спальный тюфяк, сундук с вещами и большое деревянное распятие на стене. Комнаты соединял грубо вытесанный проем, и семья могла общаться, находясь в разных комнатах.

– Потому что их сердца окрыляет надежда, – коротко ответил пастор на вопрос дочери, прервав для ответа свою молитву.

– Но почему он приезжает сейчас, весной, когда мы уже пережили ужасную зиму? – недовольно спросила Кэтрин, не удовлетворившись ответом отца.

– Потому что Бог посылает его тогда, когда он нужен больше всего, – со вздохом ответил пастор.

– Ты будешь просить его за церковь? – опять спросила Кэтрин.

– Ты можешь помолчать? Я пытаюсь уснуть! – вдруг недовольно воскликнула Кристин, свернувшись на своем тюфяке под шерстяным грубым одеялом и мечтавшая о завтрашнем дне.

– Мы обсуждаем с отцом очень важные дела! – укоризненно сказала ей Кейт. – Может, новый лорд починит церковь и подарит нам новый орган?

– Разумеется, я попрошу его за церковь, но не буду настаивать. Ты ведь знаешь, что истинная церковь – это наша душа, а в приходе мы собираемся для того, чтобы почтить Бога общими молитвами и гимнами о Его благодати, и не более. Дорогая, не нужно обожествлять каменное здание, – с легким укором сказал пастор Глоуфорд старшей дочери.

На несколько минут в доме воцарилось молчание, и пастор смог продолжить свою молитву.

– Кэсси необходимо новое платье, – вдруг задумчиво сказала Кейт и погладила по голове сестру, спящую рядом с ней на ее тюфяке. – Ее старое совсем износилось.

– Ну, конечно! Кэсси получит за этот год уже третье платье! – обиженно проворчала Кристин, получившая за год всего одно.

– Тебе следует больше читать Писание и больше молиться, чтобы Бог вразумил тебя, – серьезно сказала ей Кэтрин, свято верившая в то, что эти занятия сделают строптивую Кристин разумнее.

– Кэсси ничего не делает по дому, а только бегает по полю и ловит жуков. За что ей новое платье? – с нескрывтой злобой сказала Кристин.

Кэтрин глубоко вздохнула, раздраженная словами сестры: по ее мнению, беда Кристин была в том, что она была неусердна в служении Господу, поэтому ее душу точила зависть и обида того, что лучшее доставалось не ей.

– Кристин, прошу тебя, лучше помолись, – сказал пастор, вновь вынужденный прервать свою молитву. – А ты, Кэтрин, зашей платье Кэсси. Сейчас у нас нет возможности достать новое.

Пастор Глоуфорд знал, что между его дочерьми было мало дружбы: Кейт и Кэсси всегда были вместе, но Кристин старалась избегать общения с ними и часто надолго уходила из дома. Разговоры и проповеди не помогали, и пастор старался не обращать внимания на взаимоотношения своих дочерей, с головой погрузившись в дела и горести своих прихожан: он знал, что благоразумная Кэтрин справится с домом и характером Кристин, и что сама Кристин смягчится после замужества, а Кэсси всегда будет рядом с Кэтрин, которая никому не даст ее в обиду.

Когда пастор думал о своей младшей дочери, его сердце наполнялось любовью, жалостью и раскаянием: было время, когда грех сломил его веру и сделал горьким пьяницей, и ни жена, ни дети не могли спасти его. Во время этой черной полосы миссис Глоуфорд забеременела в третий раз, и на свет появилась Кассандра, мать же, с трудом разрешившись от бремени, скончалась от кровотечения. Пастор остался один с тремя дочерьми одна из которых была младенцем. Он не знал, что делать, руки у него опустились, но заботы о ребенке взяла на себя его старшая девятилетняя дочь Кэтрин – она заменила малютке мать. Кристин же долго плакала и не хотела даже взглянуть на Кэсси, потому что считала ее виновной в смерти матери, к которой Кристин была очень привязана. Рождение Кэсси вывело пастора из тьмы во свет: он вновь взялся за работу и, чтобы прокормить дочерей, работал тяжело и почти без отдыха. Кэсси стала для него Божьим знаком, который помог ему выбраться из омута пьянства, но, когда малышке исполнилось пять лет, пастор с отчаянием заметил задержки в ее развитии: она не умела ходить, а только ползала, разговаривала же Кэсси отдельными звуками и буквосочетаниями. С тех пор пастор впал в религиозный экстаз: он посчитал болезнь Кэсси Божьим наказанием за его грех, поэтому стал любить ее больше, чем старших дочерей. Кэсси была его страданием и болью, напоминающей о его черном грехе. И сейчас Кассандре было уже семнадцать лет, но она имела разум шестилетнего ребенка, и если деревенские парни сватались к Кэтрин и Кристин, к Кэсси не сватался никто, да и сам пастор не отдал бы свое сокровище в чужие руки.

Кристин лежала, обняв колени, и молча плакала: ее душа не могла смириться с бедностью, окружавшей ее, а все мужчины, просившие ее руки, были такими же бедняками, как она сама. Девушка плакала о том, что здесь, в этом гнилом местечке, ее красота увянет напрасно, а жизнь так и останется жизнью дочери бедного пастора. В сердце Кристин жила острая, как игла, мысль: зачем Кэсси нужна такая красота, при ее больном разуме? Она ненавидела бедную сестру за это.

Кэсси же даже не подозревала о том, что они бедны, не знала, как тяжело доставалась им еда и одежда, не знала, что больна. Она жила радостной жизнью ребенка и была счастлива от того, что просто существовала. Кэсси спала крепким детским сном, в объятиях Кэтрин, которую любила так сильно, как дети любят мать.

Утром церковь была полна народу: пришли все, даже больные и тяжелые на подъем старики (их принесли на руках сыновья и зятья). Всех съедало любопытство, увидеть нового лендлорда Вальсингама: для него даже смастерили новую скамью и поставили ее в первый ряд в левом ряду (для этого пришлось отодвинуть остальные скамьи ближе к выходу). Но воскресная служба уже началась, а скамья все пустовала: лорд никак не ехал, и крестьяне начали терять надежду на его появление. Кое-кто стал упрашивать пастора отложить службу до приезда лорда, но пастор отказался, сказав, что никто не вправе заставлять Бога ждать. Служба продолжалась. Хор голосов вознесся к перекошенной от времени и тяжелых снегов, каждую зиму покрывавших ее, крыше.

Вдруг в церковь торопливо зашел один из запоздавших прихожан: он прошептал что-то на ухо близ стоящему соседу, тот разволновался и шепнул на ухо другому, и вскоре по церкви пробежал шепот: «Едет, едет!». Глоуфорды тоже были взволнованы, но не Кэсси – она спала, положив голову на спинку скамьи.

Взгляды крестьян сосредоточились на двери церкви, и вскоре и в самом деле появился тот, кого с таким нетерпением ждали, но он был не один:

джентльменов было двое, и крестьяне гадали, кто из них является лендлордом Вальсингама.

Джентльмены вольготным шагом зашли в церковь и остановились у самой задней скамьи, почти касающейся стены, заняли свободные места и стали осторожно, неторопливо рассматривать скромное убранство церкви. Двое деревенских парней тут же принесли господам сделанную для них скамью: лорды улыбнулись, поблагодарили их и пересели на нее, пригласив присесть рядом с собой услужливых малых. Казалось, джентльмены не желали привлекать к себе внимание и вели себя тихо и скромно.

Оба джентльмена были одеты в красивые, дорогие дорожные костюмы, что делало их невероятной диковинкой в глазах неприхотливых, одетых в старое тряпье вальсингамцев. Лорды были довольно молоды (пастор Глоуфорд, разбирающийся в таких вещах, дал им не больше тридцати пяти лет), красивы и щегольски нарядны. Крестьяне с упоением разглядывали их и перешептывались, однако пастор громко призвал их вернуться к службе и воздать Господу хвалебный гимн.

Прихожане, как один, поднялись со скамей. Прибывшие лорды тоже. Бедный люд все же понял, что глазеть на знатных господ неприлично и теперь старательно отводил от них любопытные взгляды, однако девушки продолжали украдкой смотреть на джентльменов. Три старухи бесстыдно разглядывали лордов и хмурились, считая, что так, наверно, одеваются птицы павлины, которых они, естественно, никогда не видели

Один из лордов оглядывал церковь и прихожан, всматриваясь в их лица.

– Кто тот седой старик с палкой? – вдруг шепотом спросил он у одного из юношей, стоявших рядом.

– Это Клиф – наш сторож, – осторожно ответил ему юноша, обрадованный и польщенный тем, что с ним разговаривает такой знатный человек.

– Сторож? И что же он охраняет? – с усмешкой спросил лорд.

– Старую мельницу, – ответил парень.

- А кто та дама, окруженная детьми?

- Это наша прачка Лилит.

- Все эти дети ее?

- Да, у нее восемь детей.

Конечно, деревенский юноша и понятия не имел, что к ответу требовалось добавить вежливое и почтительное «сэр».

Джентльмен улыбнулся и продолжил рассматривать крестьян.

- Сколько всего детей в деревне? - опять поинтересовался он.

- Бог его знает. Много! - простодушно ответил парень, пожав плечами. - А вы у пастора спросите, он человек образованный, не то, что мы.

Спутник любопытного джентльмена усмехнулся: ему казалось, что он попал в настоящее Средневековье - так ужасно были одеты крестьяне, и настолько нищей была эта полуразвалившаяся церковь.

- Похоже, друг мой, вместе с поместьем тебе досталась еще и огромная обуза, - шепнул он своему знатному другу.

- Да, это верно, - с насмешливой улыбкой сказал тот.

- Но ты можешь все изменить. Кажется, нравы у этих людей не отличаются от средневековых.

- Вполне вероятно. Если не нравы, то религиозность уж точно.

Вдруг первый джентльмен увидел Кэтрин и Кристин Глоуфорд: они стояли почти у алтаря, занимая первую скамью. Красота Кристин тут же бросилась в глаза лорду, и он вновь обратился к своему местному осведомителю.

– Кто те девушки? – тихо спросил лорд, кивнув в сторону незнакомых ему красавиц.

– Какие? – не понял парень. – У нас в деревне их много.

– Те, что стоят рядом с седой старухой, у которой трясется голова.

– Те? Это Глоуфорды – дочери нашего пастора. Он такой хороший человек, наш пастор!

– Как зовут этих девушек?

– Кейт и Крис, – ответил парень, на деревенский манер.

– Та, что в белом чепце с кружевами, кто она?

– Крис. Красивущая, скажу я вам, но больно нос воротит от всех.

Лорд внимательно осматривал фигуру заинтересовавшей его девушки и мягкий, удивительно красивый профиль ее лица. Кристин заметила на себе чей-то пристальный взгляд и, обернувшись к лорду, взглянула на него, немного нахмутив прелестные темные брови. Ее карие глаза, обрамленные длинными ресницами, взглянули прямо в глаза знатного джентльмена, но, увидев, что он пристально смотрит на нее, девушка слегка покраснела, смутилась, поспешно отвернулась и уткнулась взглядом в раскрытую книгу, которую держала в руках.

«Какая красивая девчонка. Удивительно, что в этой глуши можно отыскать клад в виде такой свежей розы» – подумал лорд, все никак не отводящий взгляд от прекрасной девушки: даже в своем старом, грубом платье, Кристин была очень красивой. Кейт тоже показалась лорду миловидной, но, на фоне Кристин, ее красота была блеклой и обыденной.

Когда прихожане закончили петь гимн, пастор Глоуфорд пригласил нового лендлорда к алтарю, чтобы его подданные смогли увидеть его.

Новый лендлорд не заставил пастора просить дважды – им оказался джентльмен, что собирал сведения о крестьянах. Тот, кому понравилась

Кристин. Он еще раз мельком взглянул на лицо девушки, но в этот раз она не отвела от него своих прекрасных глаз.

Как и все девушки, присутствующие в церкви, Кристин подумала, что новый лендлорд очень хорош собой: высок, статен, строен, чисто выбрит, красив, молод, ухожен и, к тому же, волосы у него густые, темные и красиво уложенные. Бедным деревенским девушкам, никогда прежде не видавшим таких нарядных ухоженных мужчин, он казался настоящим красавцем, существом из другого, недоступного для них мира, и в сердце каждой проскользнула честолюбивая мечта. У всех, кроме Кэтрин и Кэсси: Кейт была слишком религиозна, чтобы думать о подобном, а Кэсси не понимала значения красоты, к тому же, она сладко спала, удобно устроившись на скамье. Но, если в сердце других девушек эта порочная мечта проскользнула и исчезла, в сердце Кристин она зацепилась, пустила корни и взрастила цветы честолюбия: Кристин увидела, что лорд заинтересовался ею, но боялась, что другие заметят его интерес к ней и осудят ее, поэтому делала вид, будто не замечает его восхищенного взгляда, скользящего по ее лицу.

Лендлорд приподнял подбородок, как делал всегда, когда держал речь.

– Доброе утро, жители Вальсингама. Позвольте представиться: я – граф Дрэймор, ваш новый лендлорд. Поместье Риверсхольд, в земли которого входит ваша деревня, досталось мне недавно после смерти моего горячо любимого дядюшки, который скончался в середине марта этого года. Сегодня я убедился в том, что ваша деревня находится в плачевном состоянии. И я помогу восстановить ее. Все свои нужды вы можете обращать к моему секретарю мистеру Гриму, который приедет в вашу деревню завтра. Также я вижу, что вы – совестливые, трудолюбивые и религиозные люди, поэтому буду помогать вам с искренней радостью. Но, увы, сейчас меня ожидают неотложные дела, и мне необходимо покинуть ваше любезное общество, – громко и решительно сказал он.

Крестьяне слушали его с раскрытыми ртами.

– Но, Ваше Сиятельство, не окажите ли вы нам огромную честь, оставшись хотя бы до конца службы? – вежливо попросил его пастор, желающий поговорить с ним о восстановлении церкви.

Граф колебался, но, вновь бросив быстрый взгляд на Кристин, решил остаться. Он молча кивнул пастору и величественно прошел на свою скамью.

Пастор продолжил службу, но ему было трудно заинтересовать обрадовавшихся крестьян, которые уже всю перешептывались о том, что они могли бы попросить у лорда.

- В своем ли ты уме? - недовольно шепнул лендлорду его друг.

Перспектива пробить в этой средневековой обстановке еще час совершенно не обрадовала его.

- Погоди немного, Доминик, - ответил ему граф Дрэймор.

Доминик - виконт Уилворт внимательно проследил за взглядом друга, устремленным на Кристин Глоуфорд.

- Нашел себе новую забаву? - усмехнулся он. - Но ведь она - дочь пастора, надеюсь, ты помнишь об этом?

- Я не имею на нее никаких планов. Просто я никогда не видел таких красавиц. Связь с крестьянкой опозорила бы мое имя, - ответил Колин Дрэймор.

- Рад, что ты понимаешь это, - серьезно сказал ему друг.

Когда служба подошла к концу, прихожане стали медленно покидать церковь. Знатные господа покинули ее последними и направились к красивому экипажу, ожидавшему их у входа в церковь.

Но вдруг, словно яркий солнечный зайчик показался в серой толпе бедняков, заставивший обоих лордов застыть в восхищении.

- Любезный, не подскажешь, кто этот дивный цветочек? - спросил лорд Дрэймор проходившего мимо крестьянина.

- Это Кэсси Глоуфорд, - ответил тот, с почтением поклонившись графу.

– Еще одна дочь пастора? – удивился виконт, с улыбкой наблюдая за прелестной девушкой.

– Да, младшая. Но она того... ненормальная, – тихо сказал крестьянин, прикоснувшись пальцами ко лбу.

– Ненормальная? Вы имеете в виду душевнобольная? – переспросил граф, уже было положивший глаз и на это хрупкое создание.

– Нет, но она как ребенок, мало что понимает. Мозги у нее как у ребенка. Вот, – объяснил бедняк и печально вздохнул. – Так жаль ее, бедняжку.

– Что ж, любезный, ступай, – сказал ему граф Дрэймор, разочаровавшись в Кэсси.

– Бедная девушка, – с искренней жалостью в сердце сказал виконт Уилворт, неотрывно наблюдая за ней. – Подумать только, как тяжело приходится ее отцу.

– Разумеется: выдать ее замуж невозможно, ведь никто не польстится на испорченный товар, – с мрачной иронией сказал на этот граф, с неудовольствием увидев, как к ним приближается пастор Глоуфорд.

Виконт Уилворт смотрел на Кэсси и не мог поверить в то, что этот ангел – не совсем здоров. Кэсси была еще сонной: она рассеяно улыбалась после сна и выглядела трогательно и грустно. Затем к девушке подошла Кэтрин, взяла ее под руку и увела с собой.

Юная Кэсси так поразила виконта, что его глубоко заинтересовала ее судьба, ее жизнь и то, каким она видела мир через призму своего неразвитого ума. Проникшись к бедной девушке добрыми чувствами, джентльмен решил спросить пастора о ее болезни и о том, предоставлял ли он своей младшей дочери необходимое лечение.

– Преподобный Глоуфорд! У вас прелестные дочери, особенно младшая, – приветливо сказал граф пастору, пожимая ему руку.

– Да, сэр, Кэсси – мое сокровище и напоминание о прошлых грехах, – коротко ответил на это пастор, задетый за больную струну в сердце.

– Один из ваших прихожан сказал, что она – ребенок по развитию, – сказал ему Доминик Уилворт.

– Да, ей семнадцать лет, но по разуму – не больше шести.

– Простите, что говорю об этом, ведь, должно быть, я причиняю вам боль, но лечили ли вы ее? – поинтересовался виконт.

– Нет. Кэсси дана мне Богом, а значит, она совершенна, – серьезно ответил ему пастор Глоуфорд. – Но, прошу вас, не будем об этом. Лорд Дрэймор, не уделите мне минуту вашего внимания?

– Прошу прощения, преподобный, но в данный момент я не располагаю свободным временем, – торопливо сказал граф, желая хоть на день отделаться от разговора с пастором и этой ужасной деревни. – Меня ждут неотлагательные дела. Видите ли, служба уже заставила меня опоздать.

– О, сэра, прошу прощения за то, что задержал вас, – сконфузился пастор.

– Не стоит, преподобный. Если вы имеете желание побеседовать со мной, обязательно приезжайте в мое поместье: я готов дать вам аудиенцию, – объявил Колин, садясь в экипаж. – Завтра я буду лишен всех хлопот и срочной переписки, потому, приезжайте в любое время. Можете взять с собой ваших прелестных дочерей.

– Благодарю вас, лорд Дрэймор, за такую высокую честь! – обрадовался пастор.

– Желаю вам приятнейшего дня, преподобный.

Пастор отошел от вельмож и обратился к своим прихожанам: после службы он всегда интересовался у них о том, поняли ли они его проповедь.

– Что ты задумал? Зачем он должен привозить своих дочерей? – нахмурился виконт Уилворт, не одобряя предложение друга.

– Я всего-навсего придерживался рамок вежливости. Не беспокойся: старик не так прост, каким кажется, – усмехнулся граф, но его мысли заметно отличались

от его слов.

Глава 3

- Что такое?

Кристин подняла равнодушный взгляд на Кэтрин – та с неудовольствием смотрела на сестру и на ее глиняную миску, полную каши.

- Эта каша отвратительна, – угрюмо ответила Кристин сестре.

Она солгала: на самом деле, причиной ее задумчивости была не пресная пшеничная каша, а мысли о красивом лендлорде, что пристально и восхищенно глядел на Кристин в церкви, и девушка с упоением размышляла о том, что мог значить его взгляд.

- Отвратительна? – Кэтрин нахмурилась. – Даже Кэсси ест эту кашу, и ей она не кажется отвратительной.

- Само собой, ей не кажется! Дай ей хоть помой, она и их съест, – издевательски пробормотала раздраженная Кристин.

- Как ты можешь? – резко спросила Кейт, возмущенная обидными словами о младшей сестре. – Извинись сейчас же!

- Не буду, – пожала плечами Кристин. Она взглянула на Кэсси: та усердно зачерпывала деревянной ложкой кашу и, увлеченная своим занятием, не смотрела на сестер. – Эта дуреха совсем ничего не поняла.

Лицо Кэтрин напряглось – она не могла смириться с тем, что Кристин так пренебрежительно относилась к бедной Кассандре.

- Не ее вина в том, что она родилась нездоровой! Господь послал ее нам! – процедила она сквозь зубы. – Постыдилась бы говорить такое!

Разозленная нотациями старшей сестры, Кристин сердито бросила ложку на стол и стремительно покинула дом. Кэсси вздрогнула от стука деревянной ложки о такой же стол и вопросительно взглянула на Кэтрин.

- Все хорошо, милая. Кристин захотела прогуляться по полю, - успокоила ее Кейт, привыкшая ограждать младшую сестру от огорчений.

- А можно я тоже пойду погулять? - спросила Кэсси, слизывая с тарелки остатки каши.

- Я же говорила: так делать некрасиво! - увидев поведение сестры, строго сказала Кейт.

Кэсси тотчас прекратила свое занятие и поставила тарелку на стол.

- Кэти, я могу погулять? - вновь с надеждой спросила девушка.

- Мы должны дождаться отца.

- А-а-а, - разочарованно протянула Кэсси. - А когда он вернется?

- В скором времени он уже будет здесь. Знаешь, что? Давай-ка починим твоё платье, - сказала Кэтрин, поднимаясь из-за стола и убирая грязные тарелки. - Но сперва вымоем посуду.

Она схватила тарелки, вышла во двор, тщательно вымыла их в бочке с водой и вернулась домой. Затем Кэтрин достала из сундука с одеждой порванное платье Кэсси и принялась чинить его короткими незаметными стежками.

- Откуда здесь такая дыра? - поинтересовалась Кэтрин у сестры.

- Где? - равнодушно отозвалась та. - Не знаю, Кэти.

Кэсси уселась на свой тюфяк и принялась играть с отвратительной соломенной куклой, которую любила, несмотря на уродство последней. Других игрушек у девушки не было.

– Милая, постарайся быть аккуратнее, хорошо? – ласково сказала ей Кейт. – Ты же знаешь, что вещи нужно беречь? Ты постарайся?

– Угу. Можно я пойду погулять?

– Нет. Отец еще не вернулся.

Кэсси грустно взглянула на Кэтрин, отбросила куклу в угол и принялась следить за тем, как сестра ловко зашивает ее рваное платье. Увидев любопытство на лице младшей сестры, Кейт ласково улыбнулась и погладила ее по кудрявым волосам.

«Бедная Кэсси! Она не осознает того, что Кристин не испытывает к ней ни капли сестринской любви! Но, должно быть, так и нужно: Господь нарочно оберегает ее больной разум от обид и сожалений» – с грустью подумала Кэтрин.

Охваченная обидой на упреки Кэтрин, Кристин поспешила скрыться далеко от дома: она села под большим, покрытым весенними почками дубом, укуталась в свой прохудившийся шерстяной платок и со слезами на глазах принялась размышлять о своей нищете. Вальсингам, что два века назад был большой, цветущей и богатой деревней, но постепенно превратившийся в вымирающую крошечную деревушку, сковывал тщеславную красавицу. Кристин чувствовала себя запертой в темном каменном доме Глоуфордов: глиняный пол, холодные стены, потрескавшиеся рамы единственного окна – все это давило на девушку, лишало радости и покоя. При всем при этом, ее жизнь отравляла младшая сестра: Кристин недолюбливала Кэсси за то, та требовала деликатного ухода, как редкостного вида цветок, и была полна зависти того, что отец любил Кэсси сильнее, чем ее. И Кэсси была так красива, что сердце Кристин истекало ядовитой желчью зависти к красоте больной сестры. Девушка была в отчаянии, и самой сокровенной ее мечтой было сбежать от умирающих вальсингамских руин. Однако ей не хватало храбрости решиться на такой смелый шаг.

«Как поступить? Я засыхаю здесь как растение, лишенное влаги! Что ценного есть в моей жизни? Красота? Лишь меня в церкви заметил лендлорд... Он бросал на меня такие восхищенные взгляды! Он так красив! Но разве может он заинтересоваться простой бедной девушкой? Лишь в сказках! – с горечью подумала Кристин, и слезы отчаяния и безысходности вновь заструились по ее

щекам. – Вырвусь ли я из этого темного угла? Когда я, наконец, буду жить в своем собственном красивом доме, кушать сладости и носить нарядные платья?»

Когда стемнело, Кристин вернулась в ненавистную ей лачугу, где ее ждал горячий ужин и молчаливое неодобрение старшей сестры. Аппетит у Кристин отсутствовал, ведь в очередной раз трапеза представляла собой пресную кашу, которой девушка пресытилась давным-давно. Сняв с себя башмаки и повседневное рабочее платье и оставшись в грубом нижнем, Кристин, не обращая внимания на сестер и отца, улеглась на свой тюфяк, лицом к стене, и нарочно скрыла голову под одеялом.

– Ты не приболела? – озадаченно спросил пастор Кристин, заметивший мрачное настроение дочери. – Скоро будет вечерня, и тебе нужны силы. Поешь, дочь моя.

– Я не голодна, – коротко ответила та, не желая вести разговоров.

– Тогда ты сможешь отведать каши лишь завтра утром. Не разделив с нами вечернюю трапезу, ты останешься голодной – Пастор был обеспокоен поведением средней дочери: ранее Кэтрин сообщила ему о том, что Кристин вновь ушла из дома.

– Мне не до каши, папа. Мне плохо, – безразлично солгала Кристин. Она не желала идти на вечерню: проповеди отца о благородии нищеты пресытили ее угнетенную этой самой нищетой душу. Объятая меланхолией и чувством безграничной безнадежности, девушка мечтала остаться одной.

– Вот еще! Ты не можешь пропустить вечерню! – настойчиво сказала Кейт, недовольная упрямством сестры.

– Я не пойду, – тихо, но твердо сказала Кристин.

– Но разве святой Христос прекращал проповедовать, когда его одолевали недуги? – поучительным тоном сказал ей пастор.

– Оставь ее, папа. Бог видит ее сердце и знает, что в нем происходит, – сказала Кэтрин отцу: она разгадала план сестры увильнуть от вечерни, но промолчала, решив, что Кристин пойдет на пользу побыть в одиночестве и подумать над

своим «нечестивым» поведением. – Только прошу тебя, Крис, помой тарелки. Я не успеваю.

Ответом Кристин был раздраженный вздох.

Четверть часа спустя, пастор, Кэтрин и Кэсси надели свои лучшие платья и поспешили в церковь.

Кристин долго орошала слезами свою бедную постель, но, успокоившись, взяла глиняные тарелки и, выйдя во двор, принялась мыть их щеткой со свиной щетиной. Вдруг, в очередной раз ощутив горький прилив сожаления о своей напрасно угасающей жизни, Кристин не смогла сдержать порыв злости и, схватив одну из тарелок, с силой бросила ее на землю – та разбилась на несколько крупных кусков. Собрав осколки, Кристин вернулась в дом, поставила чистые тарелки на полку, вновь легла на свой тюфяк и горько заплакала. Когда Глоуфорды вернулась с вечерни, девушка уже спала, утомленная переживаниями и черными мыслями, но Кэтрин разбудила ее, чтобы та послушала отрывок из Писания, что каждый вечер читал пастор Глоуфорд.

– Здесь не хватает одной тарелки, – заметила Кэтрин, бросив взгляд на полку.

– Она выпала у меня из рук и разбилась, – угрюмо сказала ей Кристин.

Кейт села рядом с ней на тюфяк, усадила рядом с собой полную радости от возвращения домой Кэсси, и семья принялась внимать строкам Писания, которые с чувством читал пастор Глоуфорд. Голос пастора то затихал, то наполнялся силой, то мягкостью, то грозным предупреждением о тщетности бытия и ужасных последствий грехов. После прочтения очередного отрывка пастор отложил книгу. Семья взялась за руки и помолилась, но сердца двух из четырех были безразличны к молитвам: сердце Кристин было уязвлено темными мыслями и чувствами, а сердце Кэсси совершенно не внимало молитве, и девушку больше занимали мысли о завтрашнем дне, ведь она и местные мальчишки сговорились ограбить яблоню старого ворчливого соседа. Во время молитвы Кэсси с восторгом следила за пауком, ползущим по стене и скрывшимся в одной из щелей.

– Завтра, после утрени я пойду к нашему новому лендлорду, – завершив молитву, сказал пастор.

- К графу Дрэймору? - воскликнула ошеломленная новостью Кристин. - Зачем?

- Чтобы иметь с ним разговор о нашей церкви. Я подошел к нему сегодня после службы, но он торопился, однако пригласил меня на аудиенцию в свое поместье.

- Но разве он не в силах приехать собственной персоной? - Кристин надеялась вновь увидеть этого лорда и смутно чувствовала необходимость ввергнуть его в еще большее восхищение ее красотой.

- Граф Дрэймор - высокородная особа. Думаю, мы никогда больше не удостоимся чести увидеть его в Вальсингаме, - с легкой усмешкой ответил ей пастор.

Сердце Кристин упало: ее вдруг охватило непреодолимое желание увидеть графа, но слова отца разочаровали девушку.

- Надеюсь, во время моей аудиенции вы не будете предаваться лени, а приберетесь в церкви, - объявил пастор дочерям.

- Когда ты вернешься? Ты успеешь к ужину? - забеспокоилась Кэтрин: она ревностно следила за тем, чтобы отец не голодал.

- Думаю, да. А теперь нам следует отдохнуть от дневных трудов.

Семья улеглась на свои убогие постели.

Первой всегда засыпала Кэсси, но в этот вечер она была полна энергии, и ей отчаянно хотелось затеять шалость.

- Кэти, давай споем песенку? - вдруг раздался в темноте ее звонкий голосок.

- Уже поздно, милая, нам нужно спать, - ответила ей Кэтрин.

- Но мне не спится. Давай споем!

- Боже, Кейт, успокой ее! - раздался недовольный голос Кристин.

– Крис, тебе следует быть сдержанней, – строго сказал ей отец. – Кэсси, мы обязательно споем, но завтра.

– Но я хочу сейчас! Это такая веселая песенка про курочек...

– Да замолчи ты, наконец!

Громкий окрик Кристин испугал бедную Кэсси – она тут же замолчала и глубоко задышала от страха.

– Бог накажет тебя за это! – прикрикнула Кейт на Кристин, осведомленная о том, что означает это тяжелое дыхание Кэсси. – Ты напугала ее! Кэсси, иди ко мне.

Кэсси быстро перебралась на тюфяк Кейт и обняла сестру за шею. Она никак не могла отойти от испуга и не могла понять, чем же она так рассердила Кристин – ведь ей всего лишь хотелось спеть песенку про курочек!

Но Кристин было совсем не совестно: она закрыла уши ладонями и пыталась не слышать вздохи Кэсси, которые лишь раздражали ее.

Утром Кэсси стало дурно: ее лоб горел и был покрыт обильной испариной, а кожа была горячей и влажной. Девушка не пошла на утреню. Кэсси долго ворочалась на своем тюфяке, но все же смогла уснуть. Узнав о том, что Кэсси плохо, соседи Глоуфордов пообещали принести для нее немного молока.

После утренней службы пастор Глоуфорд направился в поместье графа Дрэймора – Риверсхольд, в котором за все время своего пребывания в Вальсингаме не был ни разу, так как старый лендлорд никогда не интересовался судьбой своих крестьян. Пастор шел пешком: он любил пешие прогулки, и в такие моменты чувствовал себя полным сил. Лошади у него не было, а беспокоить прихожан своими проблемами он не желал, да и лошадь в деревне была лишь одна. Поэтому, переодетый в свой лучший костюм, давно затертый и залатанный руками Кэтрин, пастор Глоуфорд шел по пыльной дороге в Риверсхольд. По пути пастор молился о том, чтобы Бог внял молитвам его прихожан, повернул к ним сердце лорда Дрэймора и внял их нуждам. С собой он нес большой пожелтевший ватман со старым чертежом церкви, желая показать его графу, с целью возможной ее реставрации. Как ни странно, пастор верил

новому лендлорду и считал, что сам Господь привел его в Вальсингам. Но вдруг пастор вспомнил о болезни Кэсси и разволновался: как чувствует себя его сокровище? Однако знание того, что за ней присматривает Кэтрин, успокоила его: лицо пастора прояснилось, и он с новыми силами и надеждами в сердце твердым шагом направлялся в поместье.

Глава 4

Два лорда расположились в большой роскошной гостиной, обставленной дорогой мебелью в английском стиле, пили бренди и обсуждали вчерашнюю поездку в Вальсингам.

– Как в начале девятнадцатого века могут существовать такие убогие места? Я думал, что все они исчезли еще пару веков назад! – удивленно сказал лорд Дрэймор и саркастически усмехнулся. – Ох, дядюшка Бак, какую обузу ты взвалил на мою шею, в обмен на это поместье!

– Но почему твой дядя даже не обмолвился о деревне, когда передавал тебе свое завещание? – спросил его виконт Уилворт.

– Понятия не имею. Возможно, он даже не подозревал о том, что на его земле есть эта деревушка. Я и сам узнал о ней от своего секретаря.

– Но, друг мой, при твоём богатстве, ты можешь сделать для этих крестьян много добра. Ты же видел, насколько они бедны, как кривы их домишки, как бедно они одеты... Нищие, убогие люди.

– Да, Доминик, видел. Но в этой грязи мои глаза узрели не только бедность, но и прекрасный цветок, – сказал Колин Дрэймор, вспоминая красивую скромную дочь пастора – Кристин.

– Будь серьезней. Тебе не следует думать о той девушке, – нахмурился виконт. – Пусть этот цветок останется неоскверненным.

– К чему эти нравоучения? У меня нет желания иметь дело с этой красоткой. Она крестьянка! Я просто отдаю должное ее красоте, – насмешливо усмехнулся граф.

– Тогда следует сказать, что младшая Глоуфорд намного прекраснее твоей красотки, – заметил Доминик Уилворт, и его сердце сжалось от жалости к Кэсси.

– Да, безусловно, но она больна, и это ее портит.

– Но речь идет только о внешности.

– Да, эта малютка с дивными кудрями просто чудо. Мне даже жаль ее, – пробормотал Колин, не желая распространяться о своем негативном мнении о ней.

В тот момент, когда он увидел Кэсси, в его разуме мелькнули те же темные мысли, что и тогда, когда он увидел ее сестру Кристин. Но слабоумие Кэсси оттолкнуло его. Виконт Уилворт, наоборот, проникся к Кэсси искренней симпатией и жалостью. Его очень удивило то, что пастор не лечил ее в детстве и то, как спокойно относился он к болезни дочери, как к должному.

– Я помогу этим крестьянам. Пора показать им блага цивилизации и Просвещения. Я отстрою их дома, церковь, мельницу, другие здания, дороги, заборы... Не сразу, конечно: для начала нужно разобрать все документы, что остались после дяди. Нужно осмотреть сад и избавиться от уродливых скульптур. И откуда у дядюшки была такая любовь к античности? Обновить парк, сад, конюшни. Мне мало одной конюшни, следует построить еще одну, – задумчиво сказал лорд Дрэймор, представляя, как изменит обличье Риверсхольда.

– Лучше позаботься о крестьянах, – настойчиво посоветовал ему друг. – Твои замыслы никуда не денутся, но, пока ты воплотишь их в жизнь, умрет с полсотни крестьян.

– Ах, брось. Ведь жили они как-то все эти годы.

– Да, жили, и поэтому их деревня превратилась в «гнилое местечко», а со временем вообще исчезнет с лица земли. Сколько крестьян там обитает?

– Сто пятьдесят один. Из них половина – дети.

– Вот видишь, если ты не хочешь получить кучу голодных детей, когда перемрут их родители, отстрой в первую очередь деревушку, а уже затем свое поместье.

Граф Дрэймор задумчиво улыбнулся, допил свой бренди, поставил стакан на столик, затем встал и подошел к окну. Из его головы не выходил образ Кристин, одетой в скромное белое платье и чепец.

«Иногда полевые цветы бывают прекраснее капризных светских роз, – подумал граф. – Но она – крестьянка, и подобная связь опозорила бы меня»

– А вот и пастор Глоуфорд. И, как я и говорил, один, – с усмешкой сказал он другу, глядя на подходящего к дому пастора. – Этот старик вызывает у меня симпатию, но, кажется, он просто помешан на англиканстве.

– На то он и пастор, – тоже усмехнулся виконт.

Через пару минут дворецкий торжественно объявил о приходе пастора Глоуфорда и тут же получил приказ графа провести его в гостиную. Через минуту пастор стоял перед высокородными джентльменами из Лондона.

– Благодарю за то, что приняли меня, Ваше Сиятельство. – Пастор деликатно поклонился, не забыв о светских манерах, которые все еще помнил, несмотря на долгое пребывание в глуши. – Я польщен вашим приглашением, и это огромная честь для меня.

– Проходите, преподобный, присаживайтесь, – вежливо ответил ему граф. – Хочу представить вам своего доброго друга виконта Уилворта.

– Добрый день, – отозвался тот и протянул пастору руку для пожатия.

– Польщен, сэр, – ответил пастор, пожимая ему руку и думая о том, что этот виконт совсем не так чопорен, как лендлорд Вальсингама.

– Как я понимаю, преподобный, вы пришли по делу? – спросил лорд Дрэймор, указывая рукой на большое мягкое кресло.

Пастора охватила неловкость: он никогда не бывал в таких роскошных апартаментах и был смущен тем, что его пыльные туфли пачкали дорогой ковер, покрывающий полы гостиной Риверсхольда, и оставляли на нем следы. Но лорд Дрэймор и его друг понимали замешательство пастора и деликатно не обращали внимания на это обстоятельство: их вообще мало интересовали такие вещи, ведь у них имелись слуги, которые всегда уберут пыль и грязь.

– Благодарю вас, – коротко поблагодарил пастор Глоуфорд и сел в предложенное ему кресло.

– Чаю, преподобный? А может, вы предпочитаете свежесваренный кофе? – спросил его граф и позвонил в колокольчик для прислуги.

– О нет, не стоит... – смутился пастор: бедность, в которой он жил, была ближе его сердцу, чем сейчас окружающая его роскошь.

– Не смущайтесь: путь от Вальсингама до Риверсхольда неблизкий, и вы, верно, устали, – отозвался на это лорд Дрэймор и приказал вошедшей горничной принести чаю и тосты для пастора. – Поведайте мне о своих прихожанах. Как лендлорда, меня очень интересует их жизнь. В данный момент в деревне находится мой секретарь, но я хотел бы выслушать того, кто как никто лучше знаком с ее жителями, – обратился граф к пастору, как только горничная покинула гостиную.

– Конечно, Ваше Сиятельство, я отвечу на все интересующие вас вопросы, – сказал пастор, поглядывая на большие настенные часы: он не рассчитывал на то, что граф будет интересоваться подобными вещами, и собирался быстро закончить с делом и вернуться домой к больной дочери.

Граф Дрэймор сел в кресло, напротив кресла пастора. Виконт расположился на близстоящем диване.

– Когда я был в деревне, то не мог не обратить внимания на то, как много в ней малолетних детей и женщин, и как мало мужчин, – начал граф. – Как могло

сложиться данное несоответствие?

– Все дело в том, Ваше Сиятельство, что прошедшая зима принесла нашей деревне настоящую трагедию: много мужчин, женщин и детей умерло от болезней, иные замерзли насмерть в своих же постелях, – с тяжелым вздохом ответил пастор.

– Как много людей проживало в деревне до этой зимы? – спросил виконт Уилворт, заинтересовавшийся сведениями пастора.

– Сто девяносто пять, сэр.

– А осталось сто пятьдесят один, – задумчиво произнес граф. – Это печально, весьма печально.

– Да, сэр, это была большая потеря, но похоронили мертвых мы только в начале марта, когда земля немного отмерзла. Мои прихожане очень религиозны, добры и милосердны, их жизнь лишена многих благ и удобств, но все живут в страхе перед Господом.

– Чем живут жители деревни?

Вошла горничная, неся с собой поднос с чайником, чашками и большим блюдом с тостами. Поставив сервиз на низкий столик, перед пастором, она налила в чашку душистого свежесваренного чаю и быстро удалилась.

– Хозяйством, Ваше Сиятельство: выращивают злаки, фрукты, овощи, смотрят за скотиной, ловят рыбу, пекут хлеб, а летом ухаживают за полем с картофелем. Но два месяца назад наша мельница вышла из строя и крестьянам приходится молоть зерно вручную, – ответил пастор.

«Какое отвратительное средневековье!» – с отвращением подумал лорд Дрэймор, только сейчас по-настоящему осознав, какое огромное количество денег потребуется вложить в развитие этого глухого уголка. И растрата денег была ему не по душе.

– Сэр, наша деревня теряет людей каждую зиму: все больше становится одиноких матерей и сирот. Молодежи осталось совсем мало, не больше двенадцати человек, и в основном это – девушки, которым не за кого выйти замуж, в связи с отсутствием холостых мужчин... – Пастор тут же вспомнил о собственных дочерях. – Прошу вас простить меня, сэр, но я не могу задержаться надолго: моя младшая дочь заболела, и я должен быть рядом с ней.

– Мисс Кассандра? – удивленно спросил виконт Уилворт. – Но что с ней? Мы имели честь видеть ее после служения, и она выглядела совершенно здоровой.

– У Кэсси слабое здоровье, – ответил ему пастор, не желая вдаваться в подробности.

– Я пошлю с вами моего личного лекаря, – объявил виконт: его почему-то взволновала мысль о недомогании Кэсси.

Граф Дрэймор бросил на друга насмешливый взгляд.

– Право, не стоит, – запротестовал пастор: ему было неловко тревожить джентльменов своими личными проблемами.

– Не возражайте, преподобный, – безапелляционным тоном сказал ему граф. – Уверен, в вашей деревне нет врача, который осмотрел бы вашу дочь.

– Вы правы, сэр, врача у нас нет, но я немного разбираюсь в медицине, – тихо сказал пастор, сжимая в руках свою потрепанную шляпу.

– Решено: мистер Моррис едет с вами, – твердо сказал ему граф. – Но я не желаю задерживать вас, поэтому предлагаю перейти к делу. Вижу, вы что-то принесли с собой?

Пастор с готовностью развернул на крышке большого черного фортепиано, ставящего посреди гостиной, свой ватман с чертежом церкви.

– В первую очередь, Ваше Сиятельство, прошу вашей помощи с восстановлением церкви: она – символ нашей веры, но средств на ее восстановление мы не имеем, – осторожно сказал пастор, следя за выражением лица лендлорда. – Я

понимаю, что мы не смеем беспокоить вас нашими трудностями, но вы – наша единственная надежда на спасение Вальсингама.

Граф Дрэймор внимательно осматривал чертеж церкви.

– Было бы неплохо снести вашу старую церковь и возвести новую, – решительно заявил он. – Ремонт старой обойдется в разы дороже постройки новой.

– Как? Снести? – ужаснулся пастор. – Эта церковь стоит здесь уже сто девяносто три года! Снести ее было бы настоящим святотатством!

«Как глубоко они цепляются за свои руины! – с насмешкой подумал граф. – Как эти бедняки любят свою церковь! Еще бы, в такой нищете не за что больше цепляться, как за веру».

– Вы не желаете ее снесения? – с еле заметной улыбкой спросил он пастора.

– Безусловно! Наша церковь – это наше все! – горячо воскликнул тот, испугавшись, что лорд действительно разрушит ее.

– Колин, не будь святотатцем, – серьезно сказал другу виконт Уилворт. – Не пожалей денег и отреставрируй церквушку.

– У вас трое дочерей, преподобный? – вдруг спросил граф.

– Да, трое, сэр, – ответил ему пастор, не понимая, как это относится к делу с церковью.

Виконт Уилворт с подозрением взглянул на друга, удивившись тому, как часто тот поднимал разговор о сестрах Глоуфорд.

«Та крестьянка так очаровала его?» – подумал он, и его сердце наполнилось недовольством: граф Дрэймор был известным лондонским повесой, и от него следовало ожидать чего угодно.

«Как бы эта деревенская простушка не попала в его сети!» – мысленно пожелал виконт, считая поведение графа совершенно неодобрительным.

– И они, как я понимаю, не замужем? – допытывался граф: он желал узнать о Кристин Глоуфорд как можно больше.

Пастор, однако, не заподозрил неладное: он даже с благодарностью подумал о том, что лорд может найти его дорогим дочерям достойные партии.

– Не замужем, сэр, – ответил он.

– Почему же? Насколько я знаю, деревенские девушки выходят замуж в довольно раннем возрасте. Ваша супруга должна подумать об их судьбе.

– Миссис Глоуфорд, к сожалению, скончалась. Господь призвал ее к себе, когда моей старшей дочери было девять. Эмма была достойной женщиной.

– Давно это случилось?

– Семнадцать лет назад, сэр. Она скончалась при родах.

– Сожалею, преподобный, и приношу вам искренние соболезнования. Но почему вы сами не выдаете дочерей замуж?

– Старшая Кэтрин не желает покидать дом – она хозяйка в доме и заботится о Кэсси. Другая моя дочь – Кристин получала много предложений, но, неизвестно почему, отвергла их. А Кэсси... Думаю, не стоит объяснять.

«Бедная Кэсси! Что будет с ней, когда скончаются ее отец и сестры? Замуж бедняжку никто не возьмет... Она погибнет» – с сочувствием подумал виконт Уилворт.

– Прошу прощения за то, что встречаю в ваш разговор, но я хотел бы предложить вашей младшей дочери курс лечения: в Лондоне практикует известный психиатр, который может помочь мисс Кассандре в умственном развитии, – от чистого сердца предложил виконт, искренне желая помочь девушке.

– Благодарю вас, сэр, но Кэсси не нуждается ни в каком лечении. Я не могу пойти против Божьего замысла, – угрюмо ответил на это пастор.

– Но кто будет заботиться о ней после вашей смерти? – недовольно спросил виконт, неприятно удивившись упрямству пастора.

– Кэтрин всегда будет рядом с ней. И на Господа уповаю я. Он никогда не оставит мою Кэсси, – ответил тот с самым решительным видом: разговор с виконтом пришелся ему не по душе.

– Пейте чай, преподобный, – любезно сказал ему граф: он заметил, что лоб пастора покрыли морщины, и решил занять его мысли другим разговором, ведь все, что он хотел выведать о Кристин, он получил. – Но вернемся к реставрации церкви. Я завтра же вызову из Лондона архитектора, который составит план реставрации, мы восстановим вашу горячо любимую церковь, а после займемся вашими домами – они находятся в ужасном состоянии.

Вдруг в гостиную вошел дворецкий.

– Да? – обратился к нему граф.

– Пришла мисс Глоуфорд, сэр, – слегка пренебрежительным тоном сообщил ему дворецкий.

– Проводите ее к нам, – приказал лорд Дрэймор: ему вдруг показалось, что приехала именно та, о ком он думал, – прелестная Кристин.

– Она отказалась пройти со мной, сэр, но сказала, что ей срочно требуется увидеть отца – преподобного Глоуфорда, – вежливо отозвался на это дворецкий.

– О, должно быть, я безотлагательно нужен в деревне! – воскликнул пастор, вскакивая на ноги и сминая в руках свою драгоценную шляпу. – Благодарю вас, Ваше Сиятельство, за то, что уделили мне время. – Он почтительно поклонился лендлорду.

– Не стоит благодарности, преподобный, я провожу вас, – вежливо предложил ему граф, поднимаясь на ноги.

– О, не стоит, сэр! – смутился пастор.

Но граф лишь улыбнулся и указал рукой на дверь.

Это смутило виконта Уилворта: он разгадал мысли друга, поэтому также пошел провожать пастора до самых дверей большого холла.

Как и надеялся лорд Дрэймор и в чем не сомневался виконт Уилворт, в холле дома их ожидала Кристин Глоуфорд: она была такой же прекрасной, как и в тот раз, и ее не портило ни старое, потрепанное, серое платье, ни грубые башмаки, такие же пыльные, как туфли ее отца. Ее длинные волнистые волосы были распущены и красиво обрамляли ее бледное тонкое лицо. Девушка выглядела очень смущенной, а увидев графа Дрэймора, стыдливо опустила взгляд на пол, прекрасно понимая, какое впечатление производит на графа ее красота. Но Кристин действительно была взволнована. Она подошла к отцу и беспокойно заглянула в его лицо.

– Ах, отец! Скорее! Кэсси стало намного хуже, и она зовет тебя! – с волнением сказала она. – Я взяла у соседа лошадь, чтобы приехать за тобой!

Пастор тут же разволновался, и у него дрогнуло сердце.

– Я сейчас же пришлю к вам своего лечащего врача, – отозвался виконт, наблюдавший за этой сценой.

«Прелестна! Прелестна!» – думал лорд Дрэймор, пристально глядя на взволнованное и смущенное лицо девушки.

Виконт Уилворт покинул холл и торопливо направился за врачом.

– Какая жалость! Надеюсь, ваша сестра скоро выздоровеет, – сказал граф, глядя на Кристин с плохо скрытым восхищением.

Девушка обратила на него взгляд своих прекрасных глаз и покраснела.

– Благодарю вас, сэр, вы очень любезны, – пролепетала она, удивившись и обрадовавшись тому, что граф обратился к ней.

– Пойдем, Кристин, нельзя терять времени! – торопливо сказал пастор своей дочери и, взяв ее за руку, направился к большим входным дверям. У дверей он остановился и еще раз поблагодарил графа за доброту.

– Это моя обязанность, преподобный, помогать бедным, – ответил тот, желая произвести на красавицу Кристин хорошее впечатление.

Она обернулась и улыбнулась ему полной смущения улыбкой.

Пастор же был так озадачен состоянием Кэсси, что не обратил внимания на то, какими восхищенными взглядами обменивались граф Дрэймор и его дочь Кристин.

Глоуфорды вышли из огромного роскошного дома лендлорда, сели на старую потрепанную лошадь, ждущую их у ворот, и та сдержанной трусцой понесла их в Вальсингам.

Виконт Уилворт надеялся, что с ними поедет его врач, поэтому увидев, что они не дождались его прихода, почувствовал легкое раздражение.

– Уже пропали? – спросил он у друга, поднимающегося по лестнице на второй этаж, где находились спальные комнаты.

– Ты ведь слышал, младшей сестренке совсем нездоровится, – отозвался граф, погруженный в мысли о Кристин.

– Я сообщил о болезни мисс Кассандры мистеру Моррису, и он осмотрит ее, как только соберется и приедет в деревню, – сообщил виконт, недовольный тем, как Колин отозвался о бедной Кэсси.

– Прекрасно, – пробормотал лорд Дрэймор: он уже не слушал речи друга, а вспоминал, какой взгляд бросила на него Кристин, перед тем, как покинуть дом.

«Прекрасный цветок, расцветший в глуши, далеко от глаз городских щеголей... Жаль, что она всего лишь грубая крестьянка» – с сожалением и неудовольствием подумал он.

Глава 5

Кэсси чувствовала себя неважно, хуже, чем утром: ее охватил сильный жар, и она металась на своем тюфяке, сбрасывала с себя одеяло, которым укрывала ее Кэтрин, бредила и тихо звала отца: «Папочка! Папочка!».

Кэтрин была крайне взволнована и напугана: никакие средства лечения, которые она знала, не помогали, и девушка сидела с напряженным лицом у постели больной, держала Кэсси за руку, иногда смачивая ее лицо холодной водой.

Пастор также был напуган состоянием любимой младшей дочери, ведь и он не знал, как помочь ей. Он уединился в своей комнате, упал на колени и стал горячо молиться. Но, несмотря на болезнь Кэсси и свой страх, вечерню пастор не пропустил, однако завершил ее на целых полчаса раньше. А прихожане, узнав о том, что Кэсси очень больна, помолились за ее здоровье и, опечаленные, разошлись по домам.

Пока пастор проводил вечерню, дом Глоуфордов посетил личный врач виконта Уилворта – мистер Моррис и провел профессиональный осмотр больной. Сперва он был поражен убожеством и отталкивающей бедностью дома пастора, но затем – красотой бедной Кэсси, и, если раньше врач знатного лорда выполнял приказ виконта с неохотой (ехать в глухую деревню и лечить нищую грязную крестьянку), то сейчас проникся к младшей Глоуфорд жалостью и желанием сделать все возможное, чтобы эта прекрасная девушка выздоровела.

Пока в доме пребывал мистер Моррис Кристин вновь сбежала в уединение: она сидела на своем излюбленном камне, под дубом, и тихо молилась. Как бы она не относилась к младшей сестре, Кристин любила ее и не меньше других испугалась, что может потерять ее. Вдруг девушка услышала чьи-то шаги, а затем кто-то сел на камень, рядом с ней. Кристин открыла глаза, подняла голову и увидела рядом с собой Джона Тайли, деревенского точильщика – он был одним из ее поклонников и просил ее руки, но, как и все дерзнувшие, получил отказ. Джон любил Кристин и надеялся, что она оттаит, передумает и пойдет за него: парень он был видным, работающим, молодым, здоровым, но Кристин не воспринимала его как жениха, ни, тем более, как будущего мужа.

– Слышал о твоей сестре. Сочувствую, – сказал парень, не зная, какие слова требуются в такой деликатной ситуации, да и красиво говорить он не умел и чаще молчал, чем говорил.

Девушка ничего не ответила и отвернула от него лицо.

«Как отвратительны наши деревенские мужчины! Неотесанные, грубые, уродливые, необразованные! Не то что тот граф. Руки у него такие ухоженные, красивые. А руки Джона похожи на большие картофелины, а он еще хочет прикасаться ко мне своими страшными грубыми пальцами? Никогда! Лучше умереть старой девой, чем выйти за него или подобного ему! – с отвращением подумала Кристин, взглянув на руки Джона, лежащие на его коленях. – А его лицо? Ему только ворон на поле распугивать! А у того лорда лицо такое красивое! Почему я родилась здесь, а не в семье какой-нибудь леди? Тогда граф влюбился бы в меня и взял бы меня в жены... А его поместье? Этот Риверсхольд – просто загляденье! Вымощенные дорожки, зеленые поля с подстриженной травой, большие фонтаны, озеро с красными рыбками, огромный дом, наверно, не хуже чем у самого короля. Ах, если бы я только родилась не здесь, а там, в том городе, откуда он приехал!»

– Крис, если я чем-то могу помочь... – вновь начал Джон, пытаясь взять ее за руку, но девушка одернула руку и одарила его сердитым, полным отвращения взглядом.

– Уходи, Джон! Мне ничего от тебя не нужно! – резко сказала она, не считая нужным проявить деликатность к его не взаимным чувствам.

Парень с тоской и болью в глазах взглянул на свою возлюбленную, поднялся с камня и, опустив голову, побрел домой, к своему точильному станку, недоумевая от поведения объекта его искренней любви.

«А если уехать в город? Я могу работать и иметь хорошие деньги. Буду посылать часть денег Кэтрин и Кэсси. Ведь я – молодая и здоровая, я умею готовить, убирать, стирать, зашивать вещи. Может, смогу отыскать там достойного, богатого мужа... Жаль, что тот лорд будет оставаться здесь. Да, я сегодня же поговорю с папой... Нет, не сегодня: он так беспокоится за Кэсси... Бедная Кэсси! Скажу папе, когда она выздоровеет, а за это время постараюсь накопить денег на проезд до ближайшего города» – решила Кристин, увидев в городе

призрачную надежду хорошего заработка и достойной, по ее меркам, жизни. Девушка была совсем не злой, но порядочной, однако ее тянуло ввысь, в тот мир, где ей не придется спать на жестком тюфяке, и где она сможет заработать денег, чтобы помочь семье.

Когда Кристин вернулась домой, Кассандре стало немного легче: мистер Моррис напоил ее вкусной микстурой и дал ей какого-то порошка, оставив и на будущее целых три порции. Он сообщил пастору, что причиной недомогания Кэсси оказалась сильная простуда, но случай, к счастью, не смертельный, и пообещал навещать больную каждый день.

Пастор горячо поблагодарил доктора за его помощь и сказал, что будет молить Бога наградить его за труды, а также попросил мистера Морриса передать благодарность и виконту Уилворту, который настоял на его приезде к Кэсси.

Доктор пожал пастору руку, улыбнулся Кассандре и уехал.

После скромного ужина, прошедшего в молчании, Глоуфорды прослушали отрывок из Писания, помолились, потушили свечу и легли спать.

Ночью Кэсси тяжело дышала, но ее сон был полон спокойствия. Утром мистер Моррис вновь навестил больную и привез для нее большую корзину с фруктами, которую передал через него виконт Уилворт.

После утрени пастор Глоуфорд объявил прихожанам о планах лорда Дрэймора реставрировать церковь и отстроить их дома, при этом красочно описав свое короткое посещение Риверсхольда. Крестьяне были на седьмом небе от счастья: рассказ многоуважаемого пастора уверил их в том, что новый лендлорд – прекрасный человек и что он позаботится о Вальсингаме. К тому же вчера после утренней службы приезжал секретарь лендлорда, который записал в особую книгу жалобы крестьян и уверил вальсингамцев в том, что граф рассмотрит их собственной персоной.

Кэсси проспала весь день и проснулась только под вечер – усталая и грустная, но, когда Кэтрин угостила ее большим красным яблоком, одним из тех, что прислал виконт Уилворт, она тут же повеселела и попросила сестру рассказать ей сказку.

– Милая, зачем тебе эти глупые сказки? Я лучше почитаю тебе Священное Писание – оно лучше всяких сказок, – мягко сказала ей Кэтрин: она не одобряла выдуманные волшебные истории, поэтому в доме Глоуфордов не было книг, кроме тех, что содержали в себе религиозные тексты.

– Но я хочу послушать сказку! – капризно воскликнула Кэсси, постоянно слышащая о них от деревенских детей.

– В сказке много обмана и лжи, а ведь Бог не любит ложь. Он любит только правду, – терпеливо ответила на это Кейт. – Но я могу спеть тебе песенку, хочешь?

– Да! Про курочек! – весело отозвалась Кэсси.

Кэтрин не одобряла и эту «глупость», но, желая доставить больной сестре удовольствие, на этот раз оступилась от своих высоких принципов и спела такие «пошлые» песни.

– В доме нашем есть курятник

И живут в нем курочки

Но вот сбежали без оглядки

В темный лес все...

Кейт запнулась: следующее слово было нехорошим, и она не могла произнести его.

– Дурочки! – с восторгом воскликнула Кэсси, с сияющим от счастья лицом.

– Выбрались они в лесок

Где поджидал их серый волк

И он зубами...

- Клац-клац-клац! – опять вставила Кэсси.

- А курочки...

Но Кэтрин не допела: в дом вошел пастор Глоуфорд.

- Папочка! Папочка! – радостно закричала Кассандра и попыталась вскочить с тюфяка, но сестра вовремя остановила ее:

- Нет, милая, ты еще слишком слаба. Отец сам подойдет.

Пастор торопливо скинул свои башмаки, переоделся в домашнюю одежду и зашел в комнату дочерей.

- Кэсси, мой ангел, тебе лучше? – ласково спросил он, садясь рядом с дочерью и гладя ее по голове.

- А можно я возьму еще яблочко? – попросила Кэсси, хватая отца за руку.

- Конечно, можешь. Кэтрин, помой для нее яблоко, – сказал пастор старшей дочери.

- А Крис будет яблоки? – спросила Кэсси, с любовью глядя на отца.

Тот глубоко вздохнул и улыбнулся: его переполняла любовь к своей слабоумной дочери.

- Папа, а ты будешь яблоки? – вновь спросила девушка, не получив ответа.

- Нет, милая, спасибо, я уже поел. Ты помнишь нового лендлорда, который приезжал позавчера в нашу церковь?

- Нет.

- В тот день ее сморил сон, – шепнула Кейт отцу и протянула сестре вымытое яблоко, а та схватила его и с удовольствием стала жевать красный фрукт.

– Лорд Дрэймор оказался достойным почтения человеком: он пообещал отстроить нашу церковь, – сказал пастор Кэсси: он всегда рассказывал ей обо всем, словно она могла понять важность сказанного.

– Это хорошо? – спросила Кэсси, жуя яблоко.

– Это очень хорошо, моя милая, – улыбнулся ее отец. – Но сейчас мы послушаем Писание и ляжем спать: все мы очень устали и нам требуется отдых.

– А где Крис? – вдруг осведомилась Кейт. – Ее до сих пор нет! Должно быть, опять просиживает платье на своем камне!

– Она скоро вернется: я послал ее за молоком к Коултэрам – они обещали дать для Кэсси немного молока от их козы, – ответил ей пастор.

– В последнее время поведение Кристин стало очень скверным, – недовольно сказала Кейт. – Ей следует больше молиться, а не пропадать под дубом.

– Но, если она не желает этого, заставлять ее мы не вправе. Кристин тяжело пережила смерть вашей матери, и это положило отпечаток на ее характер, так что, не следует винить ее в дерзости и непослушании, – мудро отозвался на это пастор.

Пока Кэтрин и пастор вели беседу, Кэсси вновь заснула, сжимая в ладони съеденное наполовину яблоко.

Вскоре домой вернулась Кристин: она принесла глиняный кувшин с молоком, поставила его на стол, молча разулась и легла на свой тюфяк.

После неизменного вечернего ритуала и молитвы семья разлеглась по своим тюфякам.

– Кейт! – тихо окликнула Кристин сестру, боясь, что отец услышит ее. – Кейт, ты меня слышишь?

– Что? – шепотом ответила ей Кэтрин.

– Я скажу тебе кое-что, но только не говори папе, – сказала Крис и тихонько переместилась на тюфяк Кэтрин.

– Хорошо. Что?

– Я хочу уехать.

– Уехать? Куда? – удивилась Кейт: ей казалось, что это было бы большим грехом – покинуть место своего рождения.

– В город. Я устроюсь на работу и буду посылать вам деньги.

– Что за чушь! В городе полно грешников и соблазнов!

– Но там можно найти хорошую работу. Что ждет меня в нашей глуши? Здесь такая скука!

– Если тебе скучно жить, выходи замуж.

– Да здесь даже выйти не за кого!

– Ты чересчур переборчивая! Выходи за Джона – он хороший парень, добрый и религиозный. Он уже спрашивал меня, по какой такой причине ты отказываешь всем подряд.

– Вот и выходи за него! – вспылила Кристин: ей была противна даже мысль о браке с таким же бедняком, как и она сама, но сказать об этом сестре не могла, так как боялась выглядеть в ее глазах продажной девкой.

– Я не выхожу замуж потому, что ухаживаю за Кэсси. Если я брошу ее, заведя свою собственную семью, разве ты будешь ухаживать за бедняжкой? – Кэтрин была очень недовольна легкомыслием сестры: что выдумала! Уехать в город!

– Кейт, как ты не понимаешь! Я смогу заработать денег и помогать вам! Мне надоело зависеть от милостей соседей! – настойчиво и громко прошептала раздраженная упрямством сестры Кристин.

– Не соседи одаривают нас милостями, а Бог, действуя через их сердца! Но это твое дело. Езжай, куда хочешь, но я не одобряю твоего плана, – наконец, нехотя, согласилась Кэтрин. – Но как ты сообщишь об этом отцу?

– Я взрослая девушка и могу уехать, куда захочу, ты же сама сказала.

– И куда ты собираешься ехать?

– Я хотела поехать в ближайший город, но передумала. Я уеду в столицу.

– В Лондон? Ты думаешь, тебя там кто-то ждет? – насмешливо сказала Кейт, удивляясь наивности сестры.

– Все, Кейт. Спокойной ночи, – обиделась та.

Кристин вернулась на свой тюфяк и легла лицом к стене: ее охватила обида того, что никто не понимал ее и даже не пытался уразуметь ее стремление вырваться из ужасной бедности, которую она ненавидела всем сердцем и которой стыдилась.

«Даже папа не удержит меня. Я должна изменить свою жизнь. Здесь меня ждет лишь нищета и (не дай Бог!) брак с Джоном. Мне нужно уехать!» – с отчаянием думала она.

– Крис! – вдруг послышался шепот Кэтрин.

– Что?

– Но ведь для переезда в Лондон тебе нужны деньги. Где ты их достанешь?

– Я что-нибудь придумаю.

Сестры замолчали, и каждая погрузилась в свои мысли.

Глава 6

Следующим утром дом пастора вновь посетил мистер Моррис, привезший для Кэсси большой кувшин свежего молока и корзину овощей. Доктор осмотрел больную и сообщил, что кризис прошел, Кэсси идет на поправку и вскоре сможет выходить из дома на свежий воздух (воздух в домике был тяжелым и спертым, так как единственное небольшое окно еще ни разу не открывали после зимы). Кэсси очень смущалась, когда доктор слушал ее дыхание через слуховую медицинскую трубку, и ей было неприятно прикосновение железа к ее груди, пусть даже через ночную рубашку, так как пастор не позволил доктору прослушивать ее легкие как положено.

После утрени пастор направился в поместье лендлорда, так как тот передал ему через мистера Морриса приглашение на аудиенцию в Риверсхольд. Граф Дрэймор, как и обещал, выписал из Лондона архитектора – мистера Пилоу, имеющего довольно громкую славу, и теперь ему требовалось поговорить с пастором Глоуфордом о работниках для реставрации. Пастор пообещал лорду, что работать будут деревенские парни и мужчины, конечно, под руководством архитектора, и что сегодня же на вечерне он отыщет добровольцев.

Когда пастор уже спускался из кабинета графа, находившегося на втором этаже, он встретил в холле виконта Уилворта.

– Я слышал, что ваша дочь идет на поправку, – приятно улыбнувшись, сказал виконт слегка удивленному его вниманием пастору.

– Да, слава Богу. И за это следует благодарить вас, – с почтением поклонился ему пастор.

– Всегда к вашим услугам, мистер Глоуфорд. Мистер Моррис рассказал мне о вашем жилье, и я хотел бы помочь вам. Он высказал мысль, что мисс Кассандра болеет так часто оттого, что постоянно вдыхает запах плесени и сырости в свои нежные легкие, а зимой дрожит от холода, – нахмурившись, сказал виконт.

Виконт Уилворт с первых же дней пребывания в поместье друга заинтересовался семьей Глоуфордов, особенно младшей из них – мисс Кассандрой. Случай с самой семьей и болезнью девушки казался ему из ряда вон выходящим. Виконт

был глубоко и неприятно удивлен тем, что англиканская церковь позабыла о Вальсингаме, который, в свою очередь, не забывал о ней никогда. Виконт не мог понять, как в прекрасном облике Кэсси жил такой слабый ум: он считал, что современные достижения в медицине могли бы помочь развить ее разум, но, как он убедился, ее отец был категорически против вмешательства смертных «в дела Божьи». Поэтому виконт оставил эту мысль, но теперь желал помочь Глоуфордам в материальном плане: когда мистер Моррис рассказал ему о том, в каких жутких условиях проживают три девушки и их отец, то просто ужаснулся.

– Прошу прощения, сэра, ваша мысль мне не совсем понятна, – переспросил пастор, однако смекнув, что дело касается его семьи.

– Я хочу построить для вашей семьи новый просторный дом, – прямо заявил виконт, однако боясь, что пастор и здесь откажет ему.

– Ваша доброта не знает границ, сэра. – Пастор сделал учтивый поклон. – Но я не могу жить лучше своих прихожан: это было бы большим грехом перед ними и Господом. Я дождусь, когда лорд Дрэймор отстроит всю деревню, ведь он дал слово, что осчастливит всех нас.

– Ваш отказ ясен, преподобный, – нахмурился виконт, неприятно удивившись религиозности этого нищего старика, который будто не понимал отчаянной потребности в этой небольшой и безвозмездной услуги с его стороны.

– Благодарю вас за вашу помощь и ваши благие стремления. Господь видит и зачтет их вам, когда вы предстанете перед Ним, – мягко сказал пастор, чувствуя недовольство знатного лорда.

Виконт чуть насмешливо усмехнулся.

– Так о чем вы говорили с графом? – спросил он, решив перейти на нейтральную тему.

– Завтра в деревню приедет мистер Пилоу – архитектор. Он осмотрит церковь и займется планом ее восстановления, а я должен найти добровольцев на строительство. Его Сиятельство очень добр к нам, беднякам. И он, как и вы, интересуется здоровьем моих дочерей.

«Колин в который раз расспрашивал о Кристин Глоуфорд» – понял виконт и подумал о том, как бы из-за интереса к ней графа не случилась трагедия.

– Вам следует хранить своих дочерей: мужчины падки на женскую красоту, а ваши дочери очень милостивы, – завуалированно предупредил он пастора.

– Так и есть, сэра, так и есть. Но я уверен в своих прихожанах и в их добродетели. За все время, прожитое мною в Вальсингаме, не случилось ни одного случая греховной связи или насилия. Люди здесь очень чтят Бога и Его законы. А теперь прошу простить меня: мне нужно подготовиться к вечерне.

– Всего доброго, преподобный.

Пастор Глоуфорд покинул Риверсхольд, а виконт Уилворт, недовольный расспросами друга о дочери пастора и знавший любвеобильный характер графа, направился в его кабинет. Сам виконт был благородным человеком и не мог позволить, чтобы с Кристин случилась беда, ведь не мог не видеть того, как засматривался его друг на эту деревенскую наивную красавицу.

– Этот пастор – чистейшая душа! – сказал граф, увидев вошедшего в его кабинет дуга.

– Согласен. А ты вновь допытывался о его дочери Кристин! – с упреком отозвался виконт. – Тебе не следует интересоваться ею.

– Брось, я просто вежливо осведомился о здоровье мисс Кассандры и ее сестер, – усмехнулся лорд Дрэймор, ничуть не смутившись словами друга.

Он лгал: после того восхищенного взгляда, что бросила на него Кристин, граф не мог не думать о ней, она заняла все его мысли, и ему казалось, что и сама девушка испытывает к его особе нежность и приязнь, ведь было что-то чувственное в ее взоре. Но все же он не смел зайти дальше этого немого восхищения и своих размышлений: низкое происхождение Кристин не годилось для такого высокородного лорда, как он.

– Говорю тебе: ты привлекаешь слишком много внимания к себе и к ней, – сухо сказал виконт.

– Да? Но, насколько я знаю, ты тоже несколько заинтересован этим семейством, особенно младшенькой, – язвительно ответил ему граф.

– Что? Ты подозреваешь меня в скрытой страсти к бедной мисс Кассандре? – Виконт был крайне возмущен таким злостным и извращенным предположением графа. – Как ты мог подумать подобное? Она – ребенок!

– Ах, да, я забыл, что ты – благороден как король Артур, – снова язвительно отозвался его друг.

– Черт побери, признаюсь: мисс Кэсси действительно вызвала у меня симпатию! Но не ту симпатию, что испытываешь к ее сестре ты! Моя симпатия исходит из жалости к этому милому больному созданию, и я хочу помочь ей, устроить ее в хорошее заведение, чтобы хоть немного излечить ее разум. Боже правый, Колин, насколько ты извращен, раз подумал, что я интересуюсь ею как женщиной! – горячо возмутился виконт.

В его речи не было ни слова лжи: насколько прекрасной ни была внешность Кэсси, он видел в ней лишь больного ребенка, нуждающегося в заботе взрослого.

– Доминик, твое благородство иногда выводит меня из себя, – сказал граф, чувствувавший себя весьма неловко после проповеди друга. – Нет ничего плохого в том, чтобы завести себе питомицу.

– Лучше заведи не питомицу, а хорошую жену! – отозвался виконт.

– Мне еще рано жениться.

– Но, надеюсь, женитьба рано или поздно очистит твой разум от скверны и низких желаний.

– Я уже говорил и повторю еще раз: эта крестьянка интересует меня лишь как образец красоты. Ты же не запретишь мне восхищаться женской красотой? – глядя на друга, серьезно сказал граф.

– Конечно, нет. Но не лукавь: я давно знаком с тобой и умею распознавать твои чувства, – так же серьезно ответил ему виконт. – Пожалей глупую девушку: соблазнив ее, ты вскоре пресытишься ею и бросишь, а ее жизнь будет сломана. Ты прекрасно знаешь, что такое сплетни, тем более, сплетни в этой помешанной на религии деревне. Бедную опозоренную девушку и ее семью просто сживут со свету.

– Ты прав, друг мой, абсолютно прав. Но, думаю, что, ненароком, сам того не желая, вызвал в девушке чувства ко мне, а я не желаю тяготить себя ними. Мне следует уехать.

– Прекрасное решение, – без сарказма отозвался виконт.

Граф Дрэймор всерьез задумался над словами друга. Но он боялся последствий отнюдь не для Кристин, а для своей особы и своей репутации в высшем свете. Граф подумал о том, что эта крестьянка может пустить слух, будто он влюблен в нее, или что похуже, поэтому решил уехать от греха подальше.

– Я уеду завтра же, но оставлю мистера Пилоу руководить реконструкцией церкви. Ты, если желаешь, можешь пребывать здесь, сколько тебе будет угодно, – огласил свои намерения граф.

– Зачем мне оставаться? – искренне удивился виконт словам друга.

– Но ведь судьба младшей Глоуфорд заинтересовала тебя?

– Боюсь, здесь я ничем не смогу ей помочь, но оставлю мистера Морриса, чтобы он следил за ее выздоровлением, – решил виконт. – Пастор упрямо отказывается от моей помощи, а я не могу действовать без его согласия.

– Тогда выезжаем завтра, – отозвался на его слова граф Дрэймор.

Граф почувствовал приятное облегчение, когда понял, что больше не будет лицезреть прекрасную Кристин и, вдалеке от соблазна, забудет о ней.

Виконт Уилворт был также рад возвращению в Лондон, но по другим причинам – теперь он был спокоен за честь Кристин Глоуфорд, имевшей несчастье

заинтересовать его друга. Поэтому факт того, что граф будет далеко от Вальсингама, ознаменуется приятной необходимостью для спасения этой крестьянки. К тому же в Лондоне виконт планировал искать пути лечения для Кэсси, а также ему было банально скучно в этом отдаленном поместье. Но, чтобы всегда оставаться в курсе дела, он приказал мистеру Моррису присылать ему письма с отчетом о здоровье мисс Кассандры.

Граф Дрэймор, в свою очередь, обязал архитектора мистера Пилоу присылать ему отчеты о проделанной работе в церкви.

Следующим утром, не замеченные никем из вальсингамцев, джентльмены выехали в Лондон.

Глава 7

После вечерни пастор торжественно объявил о скорой реконструкции церкви и огласил о сборе добровольцев, и благодарные прихожане с живостью отозвались на этот призыв, желая помочь, кто чем может, даже женщины. На сами же восстановительные работы вызвались трое парней и семь еще достаточно молодых мужчин, среди которых был поклонник Кристин – Джон Тайли, в тайне надеющийся на протекторат пастора Глоуфорда перед Кристин.

Кристин ждала подходящего момента, чтобы сказать отцу о своих намерениях уехать в Лондон, но решила, что сперва накопит денег на дорогу, а уж затем, используя это как аргумент, огласит отцу о своих планах. С этой целью она с самого утра бродила по Вальсингаму, чтобы найти хоть какую-нибудь работу, но ее настигло большое разочарование: у бедняков вальсингамцев не было денег, и, как оплату за труд девушки, они предлагали продукты питания, грубую ткань или старые башмаки. Денег у них не было ни цента. Под вечер Кристин брела домой расстроенная, усталая, подавленная мыслями о том, что ей придется всю жизнь прожить в ненавистной ей глухой деревне. Девушка плакала всю ночь и уснула только под утро, а через пару часов ее разбудила Кэтрин для завтрака и посещения утрени. Кристин нехотя встала, умылась, оделась, причесала волосы и села на тюфяк к Кэсси.

– Как ты, Кэсси? – спросила Кристин младшую сестру, пряча свои красивые темные волосы под старый белый чепец.

– Хорошо, – с усталой улыбкой ответила ей Кэсси, обрадованная тем, что Кристин заговорила с ней, ведь больная девушка инстинктивно чувствовала, что сестра недолюбливала ее. – А птички уже прилетели? – спросила ее Кэсси.

Ей надоело лежать в постели, а Крис, в свою очередь, надоело выносить за младшей сестрой ночной горшок, хоть Кэтрин просила ее об этом довольно редко.

– Да, прилетели, – терпеливо ответила Кристин.

Несмотря на вчерашний неудачный поиск подработки, настроение у нее было хорошее, ровное.

– Какие?

– Их много прилетело, больших и маленьких. И все они по-разному поют и чирикают.

– Как чирикают?

– Ну, каждая по-своему.

– Чик-чирик-чик-чик?

– И так тоже. Но скоро ты сама их услышишь, – сказала Кристин, поднимаясь на ноги.

– А ты расскажешь мне сказку? – попросила ее Кэсси.

– Нет, Кэтрин не терпит сказок, ты же знаешь.

– А мы ей не скажем.

Кристин улыбнулась.

– Идем, Крис! – позвала вошедшая в дом Кэтрин, а затем обратилась к больной сестре: – А ты лежи и не вставай.

– Хорошо, – чуть печально сказала ей Кэсси.

Сестры направились в церковь.

К огромному удивлению прихожан, утреню посетил доктор Моррис (вся деревня знала о том, что он лечит Кэсси), но многие недоумевали: что он здесь забыл? Неужели, хочет приобщиться к их гимнам и молитвам? Ведь там, в городах, живут одни безбожники!

Но мистер Моррис ничуть не смутился всеобщего внимания: он передал пастору Глоуфорду письмо от графа и сел на одну из последних скамей.

– Дорогие братья и сестры во Христе, наш лендлорд передал мне письмо и сейчас я прочту его вам, поэтому, слушайте внимательно и не шумите, – громко объявил пастор.

Бегло и выразительно во всей деревушке умели читать только пастор и две его старших дочери, остальные же вальсингамцы, хоть и регулярно посещали курсы пастора, читали лишь по слогам.

– «Преподобный Глоуфорд, благодарю Вас и Вашу паству и оказанный мне теплый прием, однако дела в Лондоне не позволяют мне задержаться здесь. Сегодня утром я покинул Риверсхольд и уехал в Лондон...

«Он уехал!» – с досадой подумала Кристин и тут же поникла.

– ... но все начатые мною дела в Вальсингаме будут продолжать мои поверенные. Прошу Вас, не беспокойтесь о реставрации Вашей церкви, так как сегодня в Вашу деревню приедет архитектор – мистер Пилоу, который осмотрит здание и составит план его восстановления. Строительные материалы будут привезены к вам после того, как мистер Пилоу оценит стоимость проекта и отошлет мне отчет. Все расходы я беру на себя. Мистер Глоуфорд, оставляю Вам

адрес моей почты в Лондоне, и если у Вас, или у Ваших прихожан возникнут трудности, обращайтесь ко мне, не боясь обеспокоить или стеснить меня. Да хранит вас Господь».

- Какой благородный человек наш новый лендлорд! - шепнула Кэтрин на ухо сестре. - Он даже не возьмет с нас денег!

«А что с нас брать-то? В Вальсингаме нет ни цента!» - насмешливо подумала та, наученная горьким опытом.

- Да, жаль, что он уехал, - вслух сказала Кристин сестре.

- Сам Господь послал его нам, - опять шепнула Кэтрин, искренне веря в свои слова.

- Может быть, - коротко бросила Крис.

Жители Вальсингама несказанно обрадовались: они, как и Кейт, увидели во всем происходящем Божий промысел и горячо возвели гимны, прославляя доброту Бога, а затем помолились за здоровье благородного, милосердного и добродетельного лендлорда.

Сестры Глоуфорд вернулись домой, а пастор остался в церкви, давать уроки грамматики. Когда девушки вошли в дом, то с ужасом обнаружили, что Кэсси исчезла: ее тюфяк был пуст.

- О Боже, где она? - разволновалась Кейт. - Она еще не выздоровела! И ее платья все здесь... И башмаки! Она ушла в одном ночном платье и босиком!

Сестры бросились искать Кэсси и расспрашивали о ней всех встречающихся на пути людей, но никто из них Кэсси не видел и все лишь удивлялись тому, что она ушла из дома.

- Мне не нужно было оставлять ее! Недаром она была такой веселой с самого утра! Решила пойти погулять! - воскликнула Кэтрин, коря себя. - Не дай Бог она опять простудится!

Кейт и Кристин обежали всю деревушку, но так и не нашли младшую сестру. Испугавшись того, что с Кэсси случилась беда, Кэтрин стала громко и горячо молиться.

– Постой... Она спрашивала меня о прилетевших птицах! – вдруг вспомнила Кристин. – Она могла пойти на заброшенную мельницу! Там всегда селится множество птиц!

Сестры побежали на старую мельницу. Кэсси действительно была там: она сидела на охапке грязного сена и с радостным лицом слушала пение птиц. Девушка очень замерзла: ее босые ноги заоченели и были в грязи. Кэтрин торопливо завернула Кэсси в свою шерстяную шаль, надела на ее ноги свои башмаки, а сама осталась босой. Когда Кейт ласково отругала ее, Кэсси смутилась, но сказала, что птички позвали ее посмотреть на их гнездышки, и она не могла им отказать.

– Никогда больше так не делай, Кэсси! Мы очень волновались за тебя! – с упреком сказала Кристин сестре, когда они пошли домой.

Дома Кэсси помыли ноги, уложили ее на тюфяк и укутали в шерстяное кусачее одеяло.

– Что с Лондоном? Не передумала? – поинтересовалась Кэтрин у Крис, когда они сели обедать.

Обедом была горячая пшеничная каша с ломтем черного хлеба.

При упоминании сестры о Лондоне, в голове Кристин тут же вспыхнул образ красивого графа Дрэймора, и ей вдруг стало еще обиднее от того, как свободно он мог разъезжать по Англии, а она – бедная крестьянка, не имеет денег даже на дорогу до Лондона. Но, несмотря ни на что, и особенно сейчас, когда туда отправился граф, Лондон стал привлекать Кристин еще больше: в ее сердце выросла крохотная надежда на встречу с лендлордом.

– Нет, не передумала, – ответила Кристин, через силу доедая кашу, изо дня в день являющуюся пищей Глоуфордов и которая уже опротивела девушке.

– А что с деньгами на дорогу? – спросила Кейт, прекрасно зная о том, что здесь, в деревне, Кристин ничего не заработает.

– Пока ничего, но я обязательно достану деньги, вот увидишь, – отозвалась та, настроенная решительно, как никогда. – Я уеду отсюда.

– А тебе не кажется, что твои напрасные усилия – это Божий знак, который говорит, что тебе нельзя уезжать из Вальсингама? – предположила Кэтрин.

– Нет, не считаю. Это только ты и отец во всем видите знаки. Я не думаю, что Бог настолько нас не любит, чтобы желать нам нищеты, в которой мы и так живем.

Кристин доела кашу и вышла на улицу, чтобы вымыть тарелку и ложку, а когда вернулась, Кэтрин уже убирала стол.

– Подмети пол, – сказала она Кристин.

Та крепко сжала зубы: она не любила убирать в доме и всегда делала это через силу, но Кэтрин строго взглянула на нее, как глядела всегда, когда Кристин упрячилась, и этот взгляд заставил Кристин приступить к заданной ей работе по дому. Кристин недовольно вздохнула и принялась мести пол, аккуратно, чтобы грязь не попала на лежащую на тюфяке Кэсси. Ее душа была полна обиды на старшую сестру и на то, что та, главенствуя в доме, никогда не заставляла убирать Кэсси. Их младшая сестра вообще ничего не делала – она только спала, ела, играла и гуляла, и это обстоятельство угнетало Кристин, которая чувствовала на себе тяжкую печать власти сестры. Пастор практически не вмешивался в отношения между своими дочерьми, и его больше интересовали дела, происходящие в его пастве, чем те, что происходили в его доме. Только Кэсси он уделял столько внимания, сколько мог.

– Завтра пойдем на реку: нужно постирать вещи, – сказала Кэтрин, складывая поверх сундука грязные платья и одежду отца.

Кристин что-то пробормотала ей в ответ и опять погрузилась в свои мысли: так ей было легче переносить тяготы жизни.

– Я тоже хочу на речку! – заявила Кэсси: она любила бегать по берегу и кидать в воду камни.

– Нет, милая, ты еще не совсем здорова, – сказала ей Кейт. – Ты посидишь дома, с папой.

– Папа обещал сделать мне новую куклу, но не сделал! – Кэсси нахмурилась и обиженно скрестила руки на груди.

– Он просто позабыл: у него сейчас много дел в церкви, – успокоила ее Кейт.

– Кэти, давай споем про курочек? – с улыбкой попросила Кэсси.

– Нет, это плохая песенка. Давай лучше споем гимн.

Кристин закатила глаза, и ее красивые губы расплылись в улыбке, полной сарказма.

«Какая же она фанатичка! Думает, что кроме ее религии, в мире ничего больше нет!» – насмешливо подумала она, подметая пол, а потом решила зашить дырку на подоле своего платья, которое постоянно рвалось из-за старой ткани.

– Крис, ты уже подмела? – обратилась к ней Кейт.

Кристин подняла голову и увидела, что сестра возится у обеденного стола.

– Почти, а что? – отозвалась она.

– Отец сегодня не обедал, поэтому нужно отнести ему обед в церковь, – сказала Кэтрин.

Она наполнила глиняный горшок кашей, положила рядом с ним два ломтя черного хлеба и завернула все это в белое грубое полотно.

– Почему опять я? – недовольно спросила Кристин.

– Если не хочешь, я отнесу сама, а ты посидишь с Кэсси.

– Нет уж, я лучше схожу в церковь! – встрепенулась Крис: возможность провести время наедине с больной сестрой напугала ее.

Девушка быстро поставила веник в угол, обулась, схватила узел с едой и вышла из дома.

Кэсси вдруг посмотрела на Кэтрин полным грусти и печали взглядом.

– Кэти, почему она не любит меня? – тихо спросила она, и на ее глазах навернулись слезы.

Кэтрин ласково улыбнулась ей, отложила свою работу над грязной одеждой и села на колени рядом с сестрой.

– Ну, что ты придумала, милая? Крис любит тебя, просто у нее очень скверный характер, – сказала она, глядя Кэсси по волосам.

Но в душе ее мучила боль: она знала, что Кэсси права, но она была ребенком и крайне ранимой, поэтому ей лучше было не знать, что Кристин не могла простить ей смерти матери.

– Почему? – спросила Кэсси, глядя на сестру своим почти синими глазами: даже во время болезни она была похожа на ангела.

– Потому что она мало молится и не любит читать Писание, – объяснила ей Кэтрин. – Но мы с тобой добрые христианки и любим Писание, так ведь?

– Да.

– Ну ладно, хочешь, споем с тобой песенку про курочек?

– Не хочу... Никто меня не любит, кроме тебя и папы! – Кэсси горько расплакалась, и Кейт принялась утешать ее, но ее душа разрывалась от плача любимой сестры, ведь она любила ее так, как мать любит свое дитя.

Глава 8

Приглашенный из Лондона архитектор – мистер Пилоу осмотрел церковь, сделал замеры и расчеты, зарисовал чертежи, с сотню раз обошел здание, поговорил с пастором Глоуфордом о начале работ и уехал в поместье графа, в котором остановился на время реставрации приходской церкви.

Когда Кристин принесла отцу узел с едой, пастор уже закончил урок обучения грамматики и готовился к вечерне. Сегодня он был занят и полон хлопот: он лично указал мистеру Пилоу на каждую трещину в стенах, на почти разрушившийся бортик и протекающие места в крыше церкви. Он любопытно смотрел у архитектора, не слишком ли реконструкция разорит благородного лендлорда, но тот ответил ему, что граф приказал не жалеть средств. На вечерне пастор объявил прихожанам радостную новость о щедрости графа Дрэймора, на что крестьяне тут же захлопали в ладоши и с энтузиазмом возвели гимн Спасителю.

Вечером Глоуфордов посетил мистер Моррис: он осмотрел Кэсси и с удовлетворением объявил, что ее здоровье восстанавливается, несмотря на ее странную прогулку к старой мельнице. Когда доктор вернулся в Риверсхольд, он и мистер Пилоу написали отчеты о проделанной работе и отправили их своим нанимателям. Мистер Моррис в довольно просторном письме доложил виконту Уилворту о состоянии здоровья мисс Кассандры Глоуфорд, подробно объяснил свои мысли насчет ее выздоровления и улучшения жилищных условий семьи. Также он пару раз упомянул о том, что постелями семье служат обычные тюфяки с соломой, расположенные прямо на полу. Не смог он умолчать и о «побеге» Кэсси на мельницу и о том, что те часы девушка была одета в одну лишь ночную рубашку и босиком, а также о том, что он посоветовал Кэтрин искупать его молодую пациентку. Мистер Пилоу же написал лорду Дрэймору свои рассуждения о возможности восстановления церкви и сообщил сумму, в которую графу обойдутся эти работы, и вскоре получил письмо, в котором граф сообщил ему, что нужные строительные материалы для церкви закуплены и будут доставлены в Вальсингам в ближайшее время.

Следуя совету мистера Морриса, Кэтрин нагрела два ведра воды, вылила ее в небольшую деревянную лохань, которую пришлось занести в дом, развела кипяток с холодной водой из находившегося поблизости ручья и вымыла в ней Кэсси. Затем в лохань добавили еще чистой воды, и в ней искупались Кристин и Кэтрин. Пастор Глоуфорд редко купался дома: когда наступала весна, он всегда купался в местной речке, а лоханью пользовался только зимой. Здоровье пастора всегда отличалось завидной неприступностью для болезней.

Через неделю наступил май: пришло необычайное для этого месяца тепло, и все стало зеленеть еще гуще и ярче, чем прежде. Вальсингамцы с удовольствием скинули с себя свои тяжелые шерстяные шали и грубые куртки, и облачились в летние хлопковые одежды, которые, как и весь гардероб крестьян, были старыми, потертыми и поношенными, но чистыми: несмотря на свою бедность, крестьяне ревностно соблюдали чистоту. Они не стеснялись своей жизни бедняков: им не с чем было сравнивать свой образ жизни, и только Кристин Глоуфорд втайне люто ненавидела его, мечтая о большем, чем эта провинциальная, мирно текущая, бессмысленная жизнь в этой вымирающей деревушке.

Кэсси совсем выздоровела: тепло, забота семьи и мистера Морриса, а также его лечащая микстура сделали свое благотворное дело, и уже в первые дни месяца девушка бегала по полю, где собирала полевые цветы и ловила жуков.

К этому времени в Вальсингам привезли нужные для восстановления церкви материалы, и в деревне стоял громкий шум ликования. Беднякам казалось, что теперь их жизнь изменится к лучшему и символом этого станет восстановленная церковь. Но Кристин не разделяла всеобщей радости, наоборот, она все больше впадала в отчаяние, боялась заостенеть здесь: с работой не получалось, накопить даже мелкую сумму на проезд до Лондона не удавалось, к тому же, Джон Тайли вновь возобновил свои ухаживания, а это выводило девушку из себя – ей было неприятно оттого, что этот «грязный бедняк, даже не умеющий читать, этот грубый и неотесанный мужлан» посмел думать о ней и предлагать ей брак с ним.

Пятого мая начались реставрационные работы в церкви: добровольцев вызвалось даже больше, чем прежде, но, так как крестьяне никогда не обучались строительному делу, работы шли очень медленно и часто

приходилось переделывать работу заново, что приводило в расстройство мистера Пилоу, привыкшего работать с обученными или хотя бы толковыми строителями. Но, так как лорд Дрэймор щедро оплачивал труды и терпение архитектора, тот, скрепя сердце, продолжал работать с «олухами крестьянами». Однако через неделю работы пришлось отложить: установилась холодная дождливая погода, и дождь лил с утра до вечера. Жизнь в Вальсингаме словно застыла, но никто из набожных жителей деревушки не смел пропускать церковные службы, которые проходили в церкви, несмотря на ведущийся в ней ремонт, так как другого места для сборов в деревне не существовало. В такие дождливые дни, дороги в деревне становились настоящими болотами, полными жидкой грязи, доходящей по щиколотку и выше, поэтому мужчины клали наземь длинные доски, соорудив что-то похожее на мосты, но чаще всего носили своих детей и жен в церковь на руках, делая для этого несколько заходов, а затем – вдов с их детьми. Но многие все же приходили пешком, среди них были и Глоуфорды: для этого у каждого жителя имелись тяжелые деревянные башмаки. Часто после службы начиналась неразбериха: оставленные у порога церкви башмаки путались, и люди часто не могли разобрать, где чьи, и тогда поднимался громкий шум. Пастор, недовольный этим шумом, предложил простой способ решения этой проблемы – вырезать на каждой паре определенные цифры, но крестьяне отказались: для них было намного проще подолгу искать свои башмаки, к тому же, это занятие приносило им некоторое веселье.

Но вскоре дождь прекратился, вернулось солнце, которое своим теплом осушило образовавшиеся на дорогах болота, и вальсингамцы вернулись к своим обычным делам: уходу за домашним скотом и птицей, за огородом, к стирке. К сожалению, из-за проливного дождя, залившего огороды, погибло много овощей, что было огорчением для всей деревни, которая жила тем, что выращивала. Рабочие в церкви продолжили реставрацию, а другие мужчины вытаскивали из щелей своих домов солому, высушивали ее на солнце и затыкали обратно. Вскоре добровольцев в церкви поубавилось, но за работу принялся сам пастор Глоуфорд, что пристыдило и смутило тех, кто отказался помогать, и заставило их вернуться к работе.

Сестры Глоуфорд по-разному проживали май. Кэтрин была вся в заботах: она стирала вещи, каждый третий день делала в доме генеральную уборку, работала на огороде, стряпала, чинила одежду, впрочем, делала все то, чем занималась всегда. Кристин угрюмо выполняла свою часть работы и отчаянно пыталась отделаться от внимания настойчивого Джона, а Кэсси бегала с деревенскими детьми по полям и лесу, где собирала и ела (втайне от сестер и

отца) зеленые яблоки и ягоды.

В начале июня в Вальсингаме отпраздновали свадьбу: браком сочетались мисс Мириам Вайби и молодой Томас Нилли. Нельзя сказать, что молодожены были особо счастливы, но из-за того, что в деревне было мало молодых людей, и половина населения состояла из детей, у парней и девушек не было другого выхода, кроме как искать себе пару по возрасту, и за долгие годы таких браков все жители деревни, так или иначе, приходились друг другу родственниками. Глоуфорды тоже имели много родни, ведь покойная супруга пастора была одной из вальсингамцев, поэтому некоторые прихожане втайне страшно гордились родством с самим пастором и его красавицами умницами дочерьми. Свадьба была скромной, но благодарные крестьяне не забыли пригласить на нее и мистера Морриса с мистером Пилоу, таким образом, высоко оценив их заслуги перед общественностью. Мистер Моррис не смог приехать на венчание, но подоспел к праздничному столу и привез с собой роскошное угощение из Риверсхольда, что привело всех в неопиcуемый восторг, а мистер Пилоу, решив, что такую экзотику, как свадьба в такой глухой деревеньке, пропустить нельзя, присутствовал на свадьбе от самого ее начала (подарив молодым пару хороших ножей с кухни Риверсхольда и столько же вилок с ложками, но не серебряных, а тех, которыми пользовалась прислуга, что все равно стало несказанной радостью для молодой семьи) до самого ее завершения, пока крестьяне не разошлись по домам.

Мистер Моррис сидел рядом со своей питомицей (как он успел ее окрестить) – Кассандрой Глоуфорд, и искренне умилялся ее непосредственностью и веселой ребячьей болтовней, а также веселил ее саму и рассказывал о своих приключениях в Европе и о том, как познакомился со своей супругой. Девушка мало понимала, о чем он говорит, но названия некоторых городов так веселили ее, что она тут же заливалась заразительным звонким смехом.

Мистер Пилоу, в основном, молчал, с удовольствием вкушал незатейливые деревенские блюда (алкоголь здесь отсутствовал напрочь) и созерцал грубоватую, но сердечную красоту деревенских девушек, которые не обращали на него никакого внимания, так как были заняты сплетнями и гаданием о том, кто из них выйдет замуж следующей после Мириам.

Кристин увлеченно болтала с соседкой, позабыв на некоторое время о своем плохом настроении, но чувствуя на себе влюбленный взгляд бедного Джона Тайли. А деревенские сплетницы уже обсудили это и решили, что следующими к

брачному алтарю пойдут средня Глоуфорд и «влюбленный в нее по уши Джон».

Кэтрин же весь день была немного грустна: ее беспокоила мысль о том, что сегодня она сама и паства пропустит вечерню, а ведь это будет большим грехом.

Глава 9

Вернувшись из Риверсхольда в Лондон, виконт Уилворт в тот же день покинул его: дела призвали его в Европу, где он пробыл до самого июля, и, усталый, измотанный морской дорогой в Англию, вернулся в родной город, в свой дом. Когда виконт отоспался и привел себя в порядок, он решил не тратить времени понапрасну и перейти к накопившимся за время его отсутствия делам. Следующим же утром, зайдя в свой рабочий кабинет, лорд увидел пачку писем и телеграмм, лежащих на столе, отправленных мистером Моррисом. В поездке по Европе, окруженный новыми людьми, заботами и прелестными придворными дамами, виконт позабыл о Вальсингаме и о бедной Кэсси, но, взглянув на письма мистера Морриса, улыбнулся, и его объяло желание узнать, что произошло в Вальсингаме за время его отсутствия. Виконт вольготно устроился в своем широком кресле и стал читать письмо за письмом, строго по хронологическому порядку: у мистера Морриса был хороший, бодрый слог, поэтому читать описание произошедших в деревне событий было крайне занятным и познавательным делом. Особенный интерес виконта вызвали сведения о здоровье мисс Кассандры. Вскоре, разобравшись с письмами, он перешел к телеграммам, знакомясь с ними в хронологическом порядке.

Первая телеграмма гласила: «Сегодня пациентке намного лучше, поэтому я разрешил ей встать с постели и немного пройтись по саду».

Позже: «Мисс Кассандра абсолютно здорова и бегаёт как шаловливый ребенок. Цвет лица в порядке».

Позже: «Идет дождь. Подопечная чувствует себя хорошо. Дом Глоуфордов затопило, и семья спит на сеновале у соседей. Очень жаль девушек».

Здесь виконт с сожалением вздохнул, и его сердце затопила волна искреннего сочувствия к беднякам Глоуфордам.

Позже: «Дождь не прекращается, но никто из Глоуфордов не болен. Семья продолжает ночевать на сеновале».

«Нужно срочно помочь им, нужно что-то сделать для них! – решил виконт, ужасаясь тому, в каких условиях оказались пастор, мисс Кэтрин, мисс Кристин и прелестная Кэсси. – А ведь, должно быть, так бывает всегда, когда в Вальсингаме идет дождь, но упрямый пастор не хочет принять ничьей помощи! Подумал бы о дочерях!»

Виконту была крайне неприятна эта бедственная ситуация с Глоуфордами, и он почувствовал сильное смятение от мысли, что требующая тщательного ухода и тепла Кэсси зябнет по ночам, ночуя на стогe жесткого сена. Но лорд Уилворт нашел в себе силы продолжить чтение телеграмм.

Позже: «Сегодня мисс Кассандра наелась зеленых яблок, и у нее сводит живот. Местные мальчишки сообщили мне, что они и Кэсси совершили разбойный набег на яблони пекаря».

Позже: «Мисс Кэсси полна сил и здоровья».

Позже: «Сегодня в деревне празднуют свадьбу. Меня и мистера Пилоу любезно пригласили на торжество. Желаю пообщаться с милой питомицей. Выезжаю в Лондон завтра с утра».

Удовлетворившись новостью о том, что Кэсси здорова, виконт Уилворт решил посетить своего друга – графа Дрэймора, чтобы поинтересоваться, продвижением реставрации церкви в Вальсингаме. Собравшись, он прихватил с собой пачку писем от мистера Морриса, чтобы показать другу, в каком бедственном положении находятся его крестьяне (виконт подозревал, что граф о них и думать забыл), сел в карету и направился в западную часть Лондона, где

располагался большой особняк графа. Виконт застал друга скучающим и в скверном расположении духа: тот совсем недавно потерял на скачках приличную сумму денег.

– Занятно, как тебя интересует судьба этой деревушки, – с иронией заметил граф Дрэймор после того, как виконт сообщил ему цель своего неожиданного визита.

– А мне совершенно непонятно твое равнодушие к судьбе этих бедняков, – отозвался виконт и протянул ему письма доктора Морриса. – Вот, прочти.

– Что это? – удивился граф, забирая бумаги.

– Письма мистера Морриса. Прочти, Колин, тебе будет полезно узнать о том, что происходит в твоём владении.

Граф усмехнулся, задетый укором друга: он и вправду позабыл о своих обещаниях, данных им пастору и его прихожанам, ограничившись лишь восстановлением церкви. Столичная жизнь стремительно выбила из головы лорда мысли о благословляющих его крестьянах и о красавице Кристин: череда приемов и балов при дворе украсили его жизнь, и, кроме как об удовольствиях и развлечениях, граф ни о чем не думал, поэтому даже не открывал конверты с письмами от мистера Пилоу, регулярно отсылавшего ему отчеты о проделанной в церкви работе. Но, чтобы уважить друга, граф пробежал глазами письма мистера Морриса, однако читал невнимательно, через строчку, но, увидев имя прекрасной Кристин Глоуфорд, принялся вдумчиво читать эту часть письма.

– «...мисс Кристин Глоуфорд предложила украсить землю вокруг церкви, посадив там несколько клумб с цветами, но, на мой взгляд, это плохая идея, ведь, если посадить цветы в самый разгар реставрации, они пропадут под слоями пыли, которая будет оседать на них как сахарная пудра на торты. Я посоветовал девушке посадить клумбы уже после реставрации, но работа затягивается и ей, похоже, нет конца, а мне жаль напрасного труда такой славной девушки, как мисс Глоуфорд...» – писал мистер Моррис

«Прекрасная Кристин... Я и забыл о ней. Да, черт возьми, она невероятно хороша собой! Конечно, ее полоумная сестрица еще прелестнее, но из-за своей болезни теряет свою ценность, – с насмешкой подумал граф, вспоминая свое первое

впечатление о внешности мисс Кэсси. – Жаль, что красotka Кристин не родилась в высшем свете Англии, иначе, я приударил бы за ней»

– Ты прав, Доминик, весьма печальные обстоятельства, – наигранно хмурясь, сказал граф и положил письма на стол.

– Судьба Вальсингама в твоих руках, мой друг, – напомнил ему виконт. – Эти бедняки надеются на тебя.

– Это мне известно. Что ж, я помогу им.

– И когда ты, наконец, начнешь решительные действия? С тех пор, как мы покинули деревушку, уже прошло больше месяца.

– Меня отвлекали неотложные дела, поэтому судьба моих крестьян на время поблекла перед тем, что мне доводилось решать здесь, – ответил граф, недовольный вмешательством друга.

– Помилуй, я прекрасно осведомлен о твоих «неотложных делах». Пока ты развлекался с дамами, в Вальсингаме шел ливень, и дом Глоуфордов затопило, – с укором сказал виконт Уилворт, наблюдая за выражением лица друга.

– Очень жаль, – коротко бросил тот.

– Колин, будь серьезней: дом затопило, и семья спала на сеновале у соседей, рядом со свиньями. – Виконт был недоволен равнодушным и даже насмешливым тоном графа.

– Надеюсь, никто из них не подхватил простуду? – Услыхав о ливне, граф тут же подумал о Кристин: в воображении он увидел ее, лежащую на сеновале, под крышей старого сарая, по которому яростно стучит дождь, укрывшуюся рваным одеялом, и ему стало зябко от этой картины.

– К счастью, нет, – ответил ему виконт. – В деревне начались работы в поле, поэтому ты имеешь великолепную возможность подлатать домишки, не отвлекая крестьян от дел. Однако, любопытно узнать: как проходит реставрация? Есть успехи?

– Признаюсь, я еще не ознакомился с отчетами мистера Пилоу. – Граф ничуть не смутился. – Если тебя интересуют эти бумаги, можешь ознакомиться с ними сам.

– Охотно, – ответил виконт. – Но, позволь узнать, что отвлекало тебя весь этот месяц?

– У меня был роман с одной актрисой, – коротко ответил граф. Он открыл ящик письменного стола, вынул оттуда толстую пачку нераспечатанных писем и отдал их другу. – Думаю, Доминик, и тебе не помешало бы завести постоянную питомицу, – с усмешкой посоветовал он виконту.

«Было бы прелестно, если бы моей питомицей была такая красotka, как крестьянка Кристин. Или она сама. Она была бы безгранично благодарна мне за мою доброту и покровительство. Но нет, это непозволительно: я и крестьянка! Какой скандал разразился бы в обществе!» – пронеслось в голове графа.

– Тебе нужна не питомица, а жена, – вновь посоветовал ему виконт Уилворт. – К счастью, Англия полна девушками, достойными носить твой титул.

– Когда я надумаю жениться, то обязательно выберу одну из них, – со смехом отозвался на это граф. – Но, боюсь, непорочные девы обитают лишь в такой глуши, как мой Вальсингам.

– Что ж, дай Вальсингаму достойную жизнь: это покровительство обойдется тебе в меньшую сумму, чем те, что ты тратишь на развлечения и теряешь на скачках, – серьезно сказал ему виконт, недовольный легкомысленными фразами друга. – Встретимся завтра.

Друзья любезно распрощались, и виконт, полный противоречивых чувств, сел в свой экипаж и направился в свой особняк, увозя с собой письма от архитектора. Добравшись до дома, он уединился в своем кабинете, внимательно ознакомился с отчетами мистера Пилоу и был недоволен: работа в церкви продвигалась медленно, и архитектор жаловался на напрасную трату времени и призывал лорда Дрэймора прислать в Вальсингам лондонских строителей, ведь «с этими деревенскими лбами он получает одно только расстройство нервов». Также мистер Пилоу сообщал о крайней необходимости возведения в деревне каменных дорог, так как во время дождей она утопает в грязи, и вкратце описал способы передвижения крестьян в такие дни, что вызвало на лице виконта

насмешливую, но полную неприятия этого ужасного положения усмешку. До знакомства с Вальсингамом, виконт Уилворт не имел даже подозрений о том, что на Земле могут существовать подобные чудовищные условия жизни, особенно в его родной Англии да еще и не так далеко от Лондона!

Прочитав отчеты мистера Пилоу, виконт принял решение настоять на том, чтобы граф Дрэймор обратил внимание на бедственное положение вальсингамцев, а также возымел непреодолимое желание написать пастору Глоуфорду, с предложением показать мисс Кассандру лондонскому психиатру. Виконт знал категоричность пастора насчет Кэсси, но надеялся, что в этот раз благоразумие подавит в слуге церкви его излишнюю религиозность.

Глава 10

В тот же день в Лондон вернулся мистер Моррис. Он тут же послал слугу с запиской к виконту Уилворту с просьбой об аудиенции в любое удобное для лорда время. Виконт ответил сразу, и слуга вернулся к доктору, с приглашением. Доктор решил не откладывать визит и направился к виконту в тот же вечер. Знатный лорд был крайне удивлен поспешностью доктора, но ласково принял его, пригласил сыграть партию в гольф (так как время было еще не позднее) и заодно хотел расспросить доктора о новостях из Вальсингама. Доктор Моррис охотно принял приглашение виконта сыграть, и они направились на зеленую площадку, находящуюся за большим особняком последнего (лорд любил игру в гольф). За господами, незаметно, как тень, шел слуга, неся корзину с мячами и клюшками.

Виконт и мистер Моррис вышли на грин (так как обустроить настоящую площадку для гольфа в центре Лондона было невозможно), выбрали себе по клюшке, взяли мячики и сделали по первому удару.

– Итак, мистер Моррис, полагаю, вы пришли поговорить о Вальсингаме? – решительно спросил виконт, следя за тем, как его мячик катится по траве. – Я внимательно ознакомился с вашими письмами и телеграммами, и должен сказать, что впечатлен вашей ответственностью и подробностью изложения.

– Благодарю вас, сэр, – скромно отозвался польщенный доктор.

– Как вы провели время в поместье? – поинтересовался виконт.

– Занимательно, сэр. Я совершенно не скучал: наблюдал за реставрацией, за жизнью в деревне, беседовал с мистером Пилоу, мы часто обменивались с ним мнениями, и, к тому же я каждый день общался с милой мисс Кассандрой, – с готовностью отозвался доктор.

Виконт Уилворт усмехнулся: он и предполагал, что пожилой доктор не сможет устоять перед обаянием и искренностью Кэсси.

– Вижу, вы сильно привязались к этой девушке, – с улыбкой заметил лорд. – В каждом вашем письме вы посвящаете ей целую страницу.

– Да, сэр, что уж тут скрывать, она очаровала меня. Я даже думал о том, что было бы хорошо иметь такую дочь, как мисс Кэсси, но, конечно, здоровую. Мне искренне жаль ее, и я ввергнут в настоящий ужас от условий, в которых она проводит всю свою жизнь. Даже жители лондонских трущоб не живут так нищенски, как живут жители Вальсингама, – вздохнул мистер Моррис и сделал свой удар.

– Вы совершенно правы, мистер Моррис, – сказал на это виконт: он испытывал к Кэсси такую же жалость и симпатию, что и доктор. – Однако, боюсь, жители деревни не просто не понимают факт своей бедности, но даже лелеют ее. К тому же, на этой почве я встретил сильнейшее сопротивление: я предложил пастору Глоуфорду отстроить его дом, или переселить его семью в новый, но старик отказался, как и отказал мне в желании вылечить мисс Кассандру. Кроме этого, пастор предельно ясно дал мне понять, что ни за что не примет ничьей помощи.

– Правда, сэр? Какая жалость! Вера затмила его разум, раз он не желает выздоровления дочери! – отозвался на это доктор, ранее не предполагавший, что пастор был таким странным человеком.

– Согласен. Однако не только он, но и вся деревушка просто-напросто дышит англиканством. В первый раз вижу таких рьяных последователей веры.

– Их вера значит для них все: она помогает этим беднякам переносить тяготы жизни. Сэр, вы не были в деревне дальше церкви, поэтому и представления не

имеете, насколько поддерживает их вера, раз они до сих пор не покинули родные места. Думаю, в их случае религиозность – вещь незаменимая, это лечение, ведь не имей вальсингамцы такую сильную веру, какую имеют, они умерли бы от черной тоски и безысходности, или же добровольно простились бы с жизнью. Но, несмотря ни на что, эти бедные люди довольны своей участью.

От рассуждений мистера Морриса виконту стало не по себе: отчего правительство и король не прилагают никаких усилий, чтобы избавить Англию от таких «гнилых местечек»? Возможно, подумал виконт, богатым лордам удобно «не знать» о такой страшной бедности, «невозможной» в благополучном королевстве Англия. В «гнилых местечках» люди рождаются, всю жизнь страдают, оставляют потомство и умирают, а их потомство переживает то же, что пережили их родители и предки. Это регресс. Цивилизация там застыла, или же вообще не дошла туда. А в это время Лондон процветает, король и знать богатеют, науки и экономика развиваются. Но о людях, что остались там, в глуши, вдали от глаз, совершенно забыли, словно они были тяжкими грузом, обузой, мусором, неприятным для великой Англии.

– Но почему прежний владелец не заботился о них? – неодобрительным тоном спросил мистер Моррис виконта.

– Думаю, он был не осведомлен о Вальсингаме. Покойный лорд приобрел это поместье в довольно молодом возрасте, но бывал там редко, поэтому, могу предположить, он даже не догадывался о том, что поблизости с Риверсхольдом находится деревня, – ответил ему виконт. – Но я не сомневаюсь в том, что мой друг – граф Дрэймор исправит эту неприятную ситуацию и принесет вальсингамцам счастье и процветание.

Здесь виконт несколько лукавил: после утреннего разговора с другом он заподозрил, что тот не намерен возвращаться в деревню и сдерживать обещания, данные ним ее жителям. Однако лорд Уилворт надеялся, что сможет переубедить графа Дрэймора и направить его на путь чести.

– Я разделяю вашу надежду, сэра, потому что судьба мисс Кассандры глубоко трогает и беспокоит меня. Будь у меня возможность, я тут же удочерил бы эту милую девушку, – серьезно сказал мистер Моррис.

– Вы настолько привязались к ней? – поинтересовался глубоко удивленный заявлением доктора виконт.

– Да, сэр, я удочерил бы ее, ведь у нас с миссис Моррис нет детей... Но при живом отце сделать это невозможно, к тому же сама девушка вряд ли согласится уехать от отца и сестер, ведь она так привязана к ним. Но даже в таких обстоятельствах я постарался бы забрать мисс Кэсси в Лондон и развивать ее разум, ведь там, в глуши, она погибнет: бедная девушка не сможет позаботиться о себе, ведь, кроме как своей семье, она никому не нужна... Такая. Да, вальсингамцы религиозны и любят ее, но никто из них не приютит ее, в случае потери ею отца и сестер, ведь остальные сами не знают, как прокормить своих многочисленных детей, а мисс Кэсси ни к чему не способна, даже к выпасу рогатого скота.

– Ваши слова полны трезвой логики. Но меня занимает вопрос. Как при такой религиозности ее семьи, мисс Кассандра родилась с нездоровым разумом? Не случилось ли с ней в детстве какой-либо беды? – спросил виконт.

– Меня также интересовал этот вопрос, сэр, поэтому я имел разговор с одним крестьянином: он сказал мне, что до рождения мисс Кэсси, пастор был пьяницей. Он много пил и почти никогда его не видели трезвым, поэтому в те дни его жену и дочерей кормили жители деревни. Именно в то злополучное время миссис Глоуфорд забеременела, и, полагаю, болезнь разума мисс Кэсси связана с чрезмерным употреблением пастором алкоголя во время ее зачатия.

Виконт внимательно слушал доктора и все больше хмурил брови. Ему было больно от понимания того, каким раненым и несвоевременным плодом была прелестная девушка. Вот откуда у нее разум ребенка! Так вот о каком грехе говорил сам пастор!

– Печальная история. Сейчас я припоминаю, как пастор сказал мне, что Кэсси – это его напоминание о прежних грехах. Бедная девочка! И она отвечает за грех своего отца, а тот не дает исправить его! Как это несправедливо! – воскликнул несколько рассерженный поведением пастора виконт. – Но понимает ли мисс Кэсси то, что больна?

– Нет, сэр, она даже не подозревает об этом: мисс Кэсси считает себя шестилетней девочкой, она играет с соседскими детьми и общается с ними на

уровне их умственного развития. Позавчера в деревне была свадьба, и мисс Кэсси была болтлива как канарейка, но все ее слова и мысли были словами и мыслями ребенка. А когда молодые поцеловались, она крепко зажмурила глаза и захихикала с остальными девочками, – печально поведал мистер Моррис. – Девушка не знает ни о том, что больна, ни о том, что красива. Сердце мое разрывалось, когда я смотрел на дивное личико прелестной взрослой девушки, но слышал из ее уст детские рассуждения.

Виконт промолчал, но желание играть в гольф у него отпало: он глубоко задумался о бедной Кэсси, и его душу задела слова доктора о том, что он, виконт, не был в деревне дальше церкви и не знаком с реальной обстановкой, в которой живет девушка.

«А не купить ли мне у Колина его поместье? Тогда я смог бы позаботиться о Кэсси и о жителях Вальсингама. Следует предположить ему выгодную сделку, и не важно, какую сумму он назовет» – решил виконт. С каждой мыслью о Кэсси, желание о ее благополучии лишь возрастало.

На следующий день виконт Уилворт совершил к графу визит, высказал ему свое предложение, но получил вежливый, однако решительный отказ.

– Но, Колин, ведь тебе это поместье не по душе: ты не раз говорил мне о том, что его отдаленность от Лондона делает его мало привлекательным для твоего склонного к увеселениям характера, – настаивал виконт, удивленный нежеланием друга отказаться от «обузы», что были для графа Вальсингам и его жители.

– Бывают дни, когда и мне приятно пропасть в глуши, – ответил на это граф Дрэймор, в свою очередь, изумленный тем, с какой настойчивостью виконт пытался купить у него поместье, с деревней в придачу. – Чем тебя так задела эта деревушка? Неужели больной ангелочек Кэсси так привлекла тебя?

– Я уже объяснял, как я отношусь к Кэсси! – резко ответил на это обвинение виконт, в очередной раз возмущившийся недостойным предположением друга.

– Ради этой полоумной крестьянки ты хочешь выкупить у меня Риверсхольд, который стоит немалых денег! Брось увертки, Доминик: какие намерения ты на нее имеешь?

Холодное черствое сердце графа не могло поверить в искренность добрых намерений других сердец.

– Я желаю помочь Глоуфордам, но не только им, но и всем вальсингамцам, забытым миром и королем! Тебе равнодушна судьба этих людей, но я не могу спать спокойно, зная о том, что в забытой всеми деревушке умирают, не зная счастья, дети и взрослые! Для тебя это обуза, поэтому я прошу еще раз: подумай над моим предложением. Я готов купить твое поместье по любой названной тобою цене, и, если пожелаешь, возьму все расходы на реставрацию церкви.

– Доминик, тебе, виконту, не положено иметь такое чуткое и доброе сердце, – недовольно отозвался на это граф Дрэймор: он всегда считал друга слишком сентиментальным, но не желал пользоваться его добротой и удачно продать виконту свое убыточное поместье со всеми его жителями. – Но, раз ты так горячо настаиваешь на своем, я обещаю еще раз все обдумать, но дам знать о своем окончательном решении не ранее, чем через месяц. – Он протянул другу руку.

Ответ графа не удовлетворил виконта Уилворта, желавшего скорейшего благополучия бедняков и Кэсси, но другого выхода, как согласится на условие графа, он был лишен.

– Договорились, – твердо ответил он и пожал руку друга.

На этом друзья расстались, но, если виконт был глубоко огорчен сложившейся ситуацией, то его друга она лишь позабавила. На этот раз разность характеров виконта Уилворта и графа Дрэймора впервые принесла в их многолетнюю дружбу охлаждение и неодобрение намерений друг друга.

Глава 11

Июнь в Вальсингаме прошел точно так же, как проходил каждый год: незаметно, рутинно, полным тревог и работ на поле. Летом все взрослые крестьяне деревушки совместными усилиями обрабатывали большое поле, на котором рос картофель. Работа в поле была тяжелой: изо дня в день требовалось проверять каждый листик, каждый стебель и землю вокруг, чтобы обнаружить и истребить

прожорливого жука. Этим летом избавиться от вредителя было еще трудней, так как жуков было так много, словно Бог наказал бедных вальсингамцев за какой-то большой грех. Но, несмотря на работу в поле, крестьяне посещали все утрени, вечерни и воскресные службы в церкви. Сам пастор Глоуфорд продолжал работать над реставрацией церкви, а его дочери, за исключением Кэсси, работали на поле: так как от Кэсси было мало толку, крестьяне единодушно избавили ее от этой повинности, но иногда девушка, ради развлечения, прибегала и насаживала жуков на острые палочки. В основном же, Кэсси целыми днями развлекалась тем, что бегала с деревенскими детьми на раздолье летних полей и леса.

Кристин приходила домой вымотанной от тяжелого физического труда и, поужинав, сразу шла в постель. Кэтрин же, словно совсем не уставала: она оставалась полной энергии и хлопотливой, и не ложилась спать до тех пор, пока не были переделаны все домашние дела и пока не был приготовлен завтрак на завтрашнее утро. Почти каждый вечер, когда смеркалось, Кейт брала Кэсси, и сестры шли на речку, стирать платья: Кейт сосредоточенно стирала одежду, а Кэсси с восторгом бегала по камням и мочила в воде ноги. Избавившись от насущных хозяйственных хлопот и, наконец, добравшись до постели, на следующий день Кэтрин вставала рано утром, чтобы разбудить отца и сестер, накормить их, одеть Кэсси и пойти с Кристин на поле.

Сестры Глоуфорд тщательно следили за чистотой своего тела и через день мыли волосы: обычно это случалось в полдень или вечером, когда девушки приходили домой на трапезу. Также девушки ухаживали за своими зубами, и каждое утро и перед сном полоскали зубы настоем ромашки. Летом Глоуфорды, как и все крестьяне, купались в речке.

Кэсси часто вспоминала о мистере Моррисе, который месяц назад развлекал ее, и порой спрашивала отца и Кэтрин о том, придет ли «добрый доктор», но те не могли ответить ей, ведь сами не знали ответа.

Пастор Глоуфорд был огорчен тем, что реставрация церкви затянулась на такой долгий срок, к тому же он видел раздражение мистера Пилоу, который уже на два месяца застрял в этой «дыре», как он называл Вальсингам, поэтому старался не перечить ему.

Выходные от работ в поле и церкви наступали лишь по воскресеньям, но, несмотря на усталость, все как один, включая детей, приходили на службу. Сам

пастор уставал не менее других, но он и виду не подавал, чтобы собственным примером поддержать дух и веру своих прихожан.

Кристин совершенно отчаялась увидеть лорда Дрэймора и до сих не поговорила с отцом о своем желании переехать в Лондон, ведь денег она так и не раздобыла, и ее душа была охвачена глубоким смятением.

С начала июля установилась жаркая погода, и крестьянам приходилось каждый день поливать свои огороды: для этого следовало добираться до реки и тащить оттуда тяжелые ведра воды. У Глоуфордов воду приносили по очереди пастор, Кейт и Крис, когда приходили домой на обед. Кэсси же была освобождена от этой обязанности и весь день проводила вне дома, прибегая в свое убогое жилище поздно вечером. Так как яблони местных крестьян были уже оборваны, дети и Кэсси разбойничали в саду Риверсхольда, где яблони были высокими, пышными и полными красивых, вкусных яблок (но это держалось в строгом секрете, заключенном между детьми и Кэсси, ведь за это полагалась большая трепка от родителей и лекция от пастора). Но дети не считали свои действия ни воровством, ни каким-либо другим преступлением, ведь рвать яблоки было для них обычным делом, а Кэсси, не отличавшаяся от них умом, думала так же.

В середине месяца работы на поле и в церкви были приостановлены: в Вальсингаме праздновали крестины недавно родившегося ребенка, но затем вновь наступили тяжелые трудовые будни. Работа спорилась: за выходные, которые дали им крестины, люди немного отдохнули телом и душой, и теперь с энтузиазмом продолжили свою работу: на поле они распевали гимны, общались, сплетничали, и уже всю строили планы насчет обручения Кристин Глоуфорд и Джона Тайли. По деревне даже прошел слух, что девушка сперва «отпиралась», но все же дала согласие на брак с Джоном. Сама Кристин, зная о том, что это была чистая ложь, ни с кем не разговаривала, не общалась, была угрюма и заставила отца официально объявить на одной из вечеров, что эти слухи – никак не оправданы, однако скучающие бедняки не успокоились и судачили о том, что девицы Глоуфорд засиделись в девках: ладно, мол, Кэтрин не шла замуж по уважительной причине, но Кристин то чего ждет!

Кейт видела, как эти гадкие сплетни влияют на настроение сестры, и старалась подбадривать ее. Вот и сейчас, когда она увидела, что Кристин присела недалеко от места работы, вся в слезах от обиды, ведь соседи по полю не удосуживались сплетничать шепотом и делали это в полный голос, Кейт подошла к ней и погладила ее по спине.

– Не расстраивайся, Крис: этих сплетников ждет суд Господень, и тогда они пожалеют о том, что распускают свои языки, – ласково сказала она Кристин.

– Да, но когда это будет! Когда все это случится, мне самой будет плевать на все эти сплетни, потому что я тоже буду на небесах! – горячо воскликнула Крис, и слезы обиды вновь брызнули из ее глаз. – Как они вообще смеют говорить эти гадости, будто я выйду за этого деревенщину! А нет, так значит, я нехорошая и гордячка!

– Всем известно, что Джон влюблен в тебя, поэтому и ведутся эти слухи. Но, милая, не огорчайся так: скоро Джон женится на другой, и все поймут, как жестоки были, обсуждая тебя, – сказала ей Кэтрин. – Бог видит их сердца и вскоре обязательно накажет их за то, что вопреки Писанию, они разводят сплетни, а сплетни неуютны Богу...

– Пастор! Пастор! – вдруг услышали сестры громкий мужской крик.

Все крестьяне устремили взоры на бегущего к ним Нила Уорли, работающего на реставрации церкви. Парень бежал к толпе, и его торопливый бег предсказывал, что он нес важную новость.

«Нилу понадобился наш отец? Но зачем он ищет его здесь, когда папа работает вместе с ним в церкви?» – удивилась Кэтрин.

Кристин же нахмурилась и с тревогой смотрела на Нила.

Крестьяне сбились в одну кучу, с нетерпением ожидая, когда парень добежит до них.

– Пастор! Пастор! – вновь крикнул Нил, подбегая к ним.

– Зачем тебе пастор? Что бы ему здесь делать? – рассмеялся кто-то.

Остальные подхватили смешок.

– Пастор Глоуфорд! О, Кейт, Крис, вы здесь! – Нил подбежал к девушкам и схватился за бока: он долго бежал и теперь задыхался.

– Что случилось, Нил? Отца здесь нет, он в церкви, – сказала ему удивленная Кэтрин.

Парень немного отдышался, кто-то поднес ему кувшин с водой, он торопливо хлебнул пару глотков и со скорбной миной уставился на сестер Глоуфорд.

– Беда! Беда! Пастор! На него упала каменная плита и... – скороговоркой начал он, но Кэтрин остановила его.

– Постой, Нил, твои слова так неразумны! Что с отцом? – встревоженно воскликнула она: сердце подсказывало ей, что случилось что-то неладное.

Кристин растерянно посмотрела на сестру: она тоже почувствовала сильную тревогу.

– Я говорю, мы работали, установили каменную плиту, вместо старой, разбитой, но она сорвалась и прямоком на голову пастора! – вскричал Нил, округлив глаза: он был напуган и не в себе от увиденной им трагедии.

– Что? Боже, отец! – Кейт схватила ладонь Кристин и сильно сжала ее.

Девушек и Нила окружили остальные, теперь уже перепуганные крестьяне: «Боже, какая беда!», «Бедный пастор!», «Как он? Жив?» «Да нет, помер бедолага!», «Ах, ужас, какой ужас!».

– Кейт, мне очень жаль... Он умер, – тихо сказал Нил, не смея взглянуть в глаза Кэтрин.

Крестьяне тут же разразились громким плачем и возгласами сожаления.

– Не может быть! – воскликнула Кэтрин, не веря в слова Нила.

И не разжимая рук, она и Крис, сломя голову, помчались к церкви. Толпа крестьян бросилась за ними.

На половине пути Кэтрин отпустила руку Крис и обогнала ее, чтобы прибежать в церковь первой, так что, когда та оказалась у церкви, она увидела сестру, стоящую на коленях у окровавленного тела их отца. Кэтрин обнимала его за шею и громко рыдала.

– Папочка! Папочка! Ты не можешь уйти! Ты не можешь оставить нас! – рыдала Кейт.

Кристин встала на колени рядом с отцом, взяла в ладони его еще теплые руки и сильно сжала их. Их глаз девушки потекли слезы, но она была безмолвна.

Пастор Глоуфорд был мертв: тяжелая плита, упавшая с довольно большой высоты, разбила его голову и проломила череп, и он умер мгновенной смертью.

Рабочие церкви, крестьяне и присутствующий здесь мистер Пилоу были в ужасе: вальсингамцы плакали оттого, что потеряли любимого доброго пастора, а также от жалости к его бедным дочерям, что остались круглыми сиротами. Мистер Пилоу тоже был потрясен трагедией и в мыслях ругал себя за халатность в том, что собственной персоной не убедился в том, хорошо ли была зафиксирована проклятая плита. Он считал, что в гибели пастора была его вина, но дальнейшее расследование показало, что вины архитектора здесь не было: виновницей трагедии стала старая, хлипкая фасадная часть здания, разрушившаяся под слишком тяжелой для нее новой каменной плиты.

Все рыдали. Кристин и Кэтрин сидели рядом с мертвым отцом, обнимали его и тоже громко плакали.

Гибель пастора Глоуфорда стала для Вальсингама большой трагедией: крестьяне не могли даже подумать о том, как смогут жить без своего духовного наставника, который всегда приходил к ним на помощь в жизненных ситуациях и вопросах веры. Но теперь преподобного Глоуфорда не стало.

Вдруг Кэтрин перестала плакать, поднялась с колен и повернулась к людям. Лицо девушки было мокрым от слез, но очень серьезным.

– Не говорите об этом Кэсси. Никто, слышите? – громко сказала она, и на несколько минут всеобщий плач прекратился.

– Но она должна знать! – сказал кто-то из толпы.

– Нет! Кэсси больна, и если узнает о том, что отца не стало, то вообще сойдет с ума! Этого вы хотите? – серьезно сказала на это Кейт. – Не говорите ей ни слова! А если она спросит, где он, отвечайте, что он ушел, но скоро вернется. Вы слышите? Ради Бога, люди, прошу вас!

– Хорошо! Не скажем! Ей лучше не говорить, – согласились сердобольные крестьяне, полные жалости к сестрам Глоуфорд.

Кэтрин села на прежнее место, взяла руку мертвого отца в свою ладонь, а потом тихо сказала сестре:

– Тебя это тоже касается, Крис. Отец не хотел бы, чтобы Кэсси страдала.

Кристин подняла на нее взгляд, полный понимания и боли.

– Да, Кэсси не должна знать, – тихо ответила она сестре.

– Что нам теперь делать? Господи, что делать! Ах, какое горе! – заголосили крестьяне, и вновь поднялся плач.

– Нужно похоронить его как доброго христианина, – сказала Кэтрин, вновь обратившись к толпе. – И необходимо срочно послать за новым пастором!

– Куда? Где мы его найдем? – ответили ей крестьяне, совершенно не понимавшие, как разобраться в этом ужасном круговороте событий.

– Я позабочусь об этом, – громко заявил мистер Пилоу, растроганный этой сценой. – Я сейчас же напишу в Лондон, и вам пришлют нового пастора, а вы пока подготовьте похороны.

Архитектор без лишних слов сел на лошадь и ускакал в поместье.

Тело пастора осторожно перенесли в церковь, где обмыли, переодели в пасторский наряд, в котором он проводил службы, затем местный гробовщик

снял с него мерки и принялся делать гроб. Крестьяне разошлись по домам, плача и молясь за душу покинувшего их пастора. О его смерти вскоре узнали и те крестьяне, что не были сегодня на поле. Детям же было сказано то же, что и Кэсси. Сама Кэсси, вернувшись домой вечером, довольная и веселая, быстро съела приготовленный Кейт ужин и, усталая, легла спать.

Старшие сестры долго сидели в комнате отца, на его тюфяке, взявшись за руки: Кейт с фанатичным блеском в глазах смотрела на распятие, а Крис устремила задумчивый взор в одну точку на стене. Обе девушки отчетливо понимали, что с этого дня остались совершенно одни, и что теперь у них не было никого, кроме сестер. Но все же, они не до конца верили в смерть отца, словно это был какой-то дурной сон, и отец с минуты на минуту придет домой и обнимет их. Потом Кристин все же пошла спать, но не могла уснуть до самого утра, слыша, как Кэтрин громким шепотом молится в комнате отца.

«Боже, помоги нам!» – подумала Кристин и горько расплакалась, стараясь, чтобы ее плач не был услышан сестрами. Утром девушка осторожно подошла к Кейт, которая все еще сидела у распятия и молилась.

– Кэтрин, иди, поспи, а я приготовлю завтрак и накормлю Кэсси, – ласково сказала она сестре, тронув ее за плечо.

– Нет, Крис, спасибо. Я совсем не устала, – глухо ответила Кэтрин. – Я сама все приготовлю, а ты лучше сходи за водой для огорода. Сегодня мы не пойдем в поле. Когда Кэсси проснется, скажи ей, что отец ушел.

– Как скажешь, – коротко ответила на это Кристин.

Она оделась, обулась, взяла ведро и пошла на реку. Кристин отчетливо понимала, какой груз упал на плечи Кэтрин – потеря отца стала грузом тяжелым более для нее, чем для самой Кристин и, тем более, для Кэсси.

«Бедная Кэтрин, она так потеряна! Я должна помочь ей. Я должна уехать в город и найти работу!» – думала Кристин, медленно направляясь к реке: девушку переполняло желание помочь Кэтрин, поддержать ее, и не только морально, но и деньгами.

А Кэтрин все сидела у распятия и думала о том, что отныне благополучие ее сестер зависело только от нее – она стала главой семьи, и ответственность за сестер и их жизни лежала только на ней.

«Я сделаю все, чтобы они не страдали, только дай мне сил, Господи!» – подумала она, а затем поднялась и, скрепя сердце, пошла готовить завтрак. Посмотрев на спящую Кэсси, Кейт мягко улыбнулась. – Милая моя девочка, я никогда не брошу тебя. Никто и ничто не разлучит нас!» – решительно подумала Кейт и погладила Кэсси по волосам.

Когда Кэсси проснулась, Кристин уже вернулась с реки, а завтрак был готов.

– Умойся, и садись кушать, – сказала Кейт младшей сестре, накладывая в миски порции каши: сегодня порции были больше обычного, ведь Кейт взяла ту же меру зерна, что брала раньше, рассчитанную на четверых.

Кэсси умылась, оделась, села за стол и принялась за еду.

– А где папа? – вдруг спросила она, только сейчас заметив, что они завтракают без отца.

Старшие сестры переглянулись.

– Отец сказал, что не будет завтракать, – ответила ей Кейт, стараясь говорить как можно более убедительно.

– Почему? Он уже покушал? – невинно осведомилась Кэсси, погружая в кашу свою деревянную ложку.

– Да, он рано покушал, – сказала Кристин, поддакивая легкомыслию Кэсси.

– А где он? – опять спросила Кэсси.

– Его занимают важные дела. Ты же помнишь, что он очень беспокоится за церковь и деревню? – ответила ей Кэтрин. – Должно быть, он ушел в то красивое поместье Риверсхольд.

Как-то раз они с Кэсси видели это поместье и хозяйский дом, но девушки не были впечатлены: Кэтрин из-за своего неприятия роскоши, а Кэсси заявила, что это – дворец, в котором обитают призраки и злой великан (так ей сказали мальчишки), однако обдирать его яблони она не боялась.

– А скоро он вернется?

– Да, конечно.

– Мы пойдем на утреню?

– Нет, ведь папа ушел, и ее некому сегодня проводить.

Кэсси равнодушно посмотрела на Кэтрин: она совершенно не беспокоилась за отца, потому что знала, что он всегда возвратится домой.

«И может, он принесет что-нибудь вкусное! Тот добрый смешной доктор всегда приносил что-то вкусненькое!» – с удовольствием подумала Кэсси, предвкушая возвращение отца домой.

– А мы вчера поймали зайчика: он был таким милым и сильно дрожал, но мы погладили его и выпустили в поле. Фред сказал, что ему страшно, и что мы его пугаем, поэтому он убежал так быстро! – сказала Кэсси, а затем вновь принялась за еду. – Какая вкусная каша сегодня, Кэти!

Кэтрин улыбнулась, но из ее груди вырвался тяжелый вздох: ей было трудно переносить то, с каким равнодушием и недогадливостью живет ее младшая сестра, и ей казалось, что она переносит боль утраты не только за себя, но и за Кэсси.

– А какого цвета был зайчик? – спросила Кристин, увидев замешательство Кэтрин.

– Он был такой темный, и ушки у него были очень смешные и длинные, – затараторила Кэсси. – А еще мальчишки сочинили песенку! Вот: Зайчик по полю скакал, зайчик домой убегал, а за ним побежала собака, злющая такая, кусака, а потом... Ой, забыла. – Она смутилась и замолчала.

Кэтрин погладила ее по голове.

– А еще я порвала вчера платье, – хихикнула та.

– Опять? – недовольно спросила Кристин, но, на самом деле, она не в силах была сердиться на сестру.

– Это было нечаянно. Только не говорите папочке, а не то он расстроится, – состроив милое детское выражение лица, попросила Кэсси, не желавшая огорчать отца.

Кристин и Кэтрин тут же почувствовали, как в их груди скапливаются слезы.

– Он не будет ругаться, Кэсси, но, если хочешь, мы ничего ему не скажем, – тихо ответила Кристин.

Кэтрин же не могла больше сдерживать слезы, наворачнувшись на ее глаза и грозившись политься рекой прямо при Кэсси, поэтому она резко поднялась из-за стола и пошла к двери.

– Куда ты? – спросила ее Кристин, испугавшись оставаться наедине с младшей сестрой, так как не знала, как вести себя с ней и что говорить.

– Я схожу за водой! – отозвалась Кейт и поспешно вышла из дома.

Кристин поняла, что та солгала, но ничего не сказала.

– Кушай, Кэсси, а потом можешь идти гулять, – сказала она сестре.

Та просияла и с усердием принялась поглощать кашу.

В тот же вечер мистер Пилоу, как и обещал, написал о трагедии с пастором лорду Дрэймору, но в связи с пребыванием графа в другом городе, конверт с письмом не был вскрыт. Однако, несмотря на это обстоятельство, о гибели пастора все же узнали: крепко сдружившийся за два месяца с мистером Моррисом, мистер Пилоу написал и ему. Письмо дошло до Лондона в сжатые сроки – за полтора дня с того момента, как архитектор торопливо отослал его из Риверсхольда. Получив и прочитав письмо в полдень, доктор Моррис наполнился неподдельной печалью и ужасом, и поспешил к виконту Уилворту. Добравшись до особняка виконта, мистер Моррис был безотлагательно допущен к самому хозяину дома.

– Мистер Моррис! Вы как раз подоспели к ланчу, – обрадовался его визиту виконт.

– Благодарю вас, сэр, но я не голоден. Боюсь, я принес вам очень печальные известия! – с легким поклоном отозвался мистер Моррис.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Виконт Уилворт указал доктору на пустующий стул, стоящий у столика, заставленного фарфоровыми тарелками с изысканными угощениями: виконт любил проводить ланчи на свежем воздухе, на одном из балконов своего особняка. – Что за печальные новости?

– Увы, сэр, новости не просто печальны, они ужасны: сегодня я получил письмо от мистера Пилоу. Возможно, вы помните его? Граф Дрэймор оставил его в деревне на время реставрации.

– Да, припоминаю. Архитектор из Лондона.

– Так вот, сэр, он сообщил мне о том, что на днях трагически погиб пастор Глоуфорд.

Эта новость поразила виконта в самое сердце: оно даже дрогнуло от ужаса, а все существо молодого аристократа объяло сильное волнение.

– Это ужасная новость! Нет слов передать, насколько я поражен ею! – воскликнул виконт, тут же поставив чашку с чаем, которую держал в руке, на стол. – Но как это возможно? Как могла приключиться эта беда?

– Пастор Глоуфорд добровольно помогал в работе по реставрации церкви, как строитель, и одна из каменных плит оказалась чересчур массивной для старого здания – камень под ней раскрошился, и плита упала прямо на голову проходящего под ней пастора. Это была мгновенная, безболезненная смерть, думаю, бедолага даже не успел ничего понять, – рассказал мистер Моррис, вновь переживая ту печаль, что и тогда, когда прочел письмо мистера Пилоу.

– Какая жалость! Какая трагедия! – тихо воскликнул виконт: он искренне опечалился смертью пастора Глоуфорда, но эта новость обеспокоила еще и тем фактом, что его дочери остались круглыми сиротами. – А что с его дочерьми?

– Когда случилась трагедия, один из юношей побежал на поле, где работали крестьяне, и рассказал им о смерти пастора. Все примчались к церкви. Старшие девушки Глоуфорд расстроились, они были поражены, плакали, и зрелище предстало таким душераздирающим, что мистер Пилоу не выдержал накала чувств и ретировался в поместье.

– Бедные девушки, они ведь так любили своего отца! – обреченно вздохнул виконт. – Но что сейчас происходит в Вальсингаме?

– К сожалению, сэр, я не владею такой информацией. Мистер Пилоу описал только смерть пастора и, едва завершив письмо, безотлагательно отправил его мне. Но, надеюсь, бедные девушки справятся с этим горем, – ответил на это мистер Моррис.

Повисло молчание: оба ушли в свои мысли.

Приподнятое настроение виконта было испорчено, и его поглотили мысли о том, как смерть пастора повлияла и повлияет в дальнейшем на жизни его дочерей.

– Что с мисс Кассандрой? В каких она чувствах? – тихо спросил он.

– Это мне неизвестно, сэр, но я сегодня же напишу мистеру Пилоу. С той злополучной минуты прошло полтора дня, и, полагаю, за это время в Вальсингаме произошло много событий, но, надеюсь, что мой друг все нам прояснит, – пообещал доктор.

Казалось странным, что смерть ничтожного нищего пастора из какого-то захолустья так глубоко огорчила человека, обитающего в Лондоне и являющегося членом высшего света Англии. Но виконт действительно переживал и был поражен этим событием. Однако более всего его огорчало то, что милая Кэсси, должно быть, крайне расстроена смертью отца, и боялся, что эта травма повредит ее и без того больному разуму.

– Девушкам нужно помочь, – решительно заявил виконт. – Они молоды и не замужем, и им туго придется одним. Какими средствами они располагают?

– Глоуфорды владеют небольшим садом, которым они и питаются. Иногда старшие сестры прядут ткань и продают ее, но это ничтожный заработок: этого добра в Вальсингаме хоть отбавляй. Летом девушки работают с другими крестьянами на поле и осенью получают свою часть урожая.

– Что за урожай?

– Картофель, сэр.

– Один только картофель? – неприятно удивился виконт.

– Увы, сэр, так оно и есть, но и его будет недостаточно для того, чтобы прокормиться. В основном, Глоуфорды питаются постными кашами и черным хлебом, правда, иногда крестьяне делятся с ними кое-какими продуктами. У семьи нет ни домашнего скота, ни птицы, поэтому мяса они почти не едят. На свадьбе, на которой я побывал в Вальсингаме, мисс Кэсси практически без остановки что-то жевала, и мое сердце разрывалось, глядя на нее.

– Это невероятно! Какое бедственное положение! Я должен помочь им. В голове не укладывается тот факт, что рядом с таким великолепным богатым поместьем Риверсхольд находится королевство нищеты! Но, мистер Моррис, все это привело меня к мысли: пастор был категорически против лечения мисс Кассандры... – И виконт, нахмурившись, замолчал.

– Это правда, сэр, но к чему вы ведете? – удивился доктор.

– Возможно, я смогу уговорить мисс Кэтрин позволить мне увезти Кэсси в Лондон и лечить ее здесь, – твердым тоном закончил свою мысль знатный лорд.

– Побойтесь Бога, сэр! Как вы можете размышлять о таком сейчас, когда девушки потеряли отца? Нельзя использовать эту трагическую ситуацию себе во благо! Это бесчеловечно! Подумайте только, что сейчас переживают эти светлые души! – возмутился мистер Моррис, не боясь высказать свое недовольствие намерениям виконта.

– Вы совершенно правы, мистер Моррис, – это низко и цинично с моей стороны, – тщательно обдумав свое поведение, согласился тот. – Следует дать девушкам время, чтобы оно залечило их душевные раны и дало им покой.

– Именно, сэр, и, несмотря на ваше благородное намерение, я рад тому, что смог образумить вас, – сказал доктор. Эти слова не задели гордость виконта, так как он высоко ценил персону мистера Морриса, с которым дружил и покойный отец лорда. – Насколько я знаю, мисс Кэсси была очень привязана к отцу. Как, должно быть, она страдает, бедняжка!

– Но ведь вы хотели удочерить ее. И, в связи со смертью пастора, теперь вы можете воплотить это в жизнь, конечно, в нужное для этого время, – напомнил ему виконт. – Только не примите мои рассуждения за цинизм, доктор. Я глубоко сожалею о смерти пастора Глоуфорда, но также думаю о судьбе бедной мисс Кассандры.

– Ах, да, конечно, но я не хотел бы начинать процесс удочерения сейчас, когда милая девушка находится в большой печали. Тем более, потребуется согласие мисс Кэтрин, а я не думаю, что она так запросто позволит мне отнять у нее Кэсси и оторвать ее от семьи. Я справедливо предполагаю, что понадобятся длительные уговоры и веские доводы для того, чтобы мисс Кэтрин согласилась на этот шаг, ведь она воспитывает Кэсси с самого рождения, и для нее невыносима даже мысль о том, что ее любимая сестра будет не с ней. Кэсси и Кэтрин очень привязаны друг к другу. Любовь мисс Кэтрин к сестре так глубока, что она даже отвергает замужество, чтобы не расставаться с сестрой.

– Мы обязательно поможем им... Конечно, когда придет время. Но я желаю оказать им хоть какую-нибудь помощь безотлагательно.

– Мистер Пилоу написал, что Вальсингам остро нуждается в новом пасторе, и его приезд должен состояться как можно скорее, ведь покойного Глоуфорда следует похоронить по всем законам англиканства. К тому же вальсингамцы отчаянно нуждаются в пасторе: они просто потеряны без духовного наставника и церковных служб, – сказал доктор, вспомнив о сообщении друга. – Мистер Пилоу сообщил об этом и лорду Дрэймору, но я осведомлен, что сейчас он не в Лондоне и не может выполнить свой долг относительно данной проблемы.

– Вы осведомлены верно, мистер Моррис: Колин находится в Бристоле. Значит, следует обратиться к главе церкви и направить в Вальсингам нового пастора. Но что-то подсказывает мне, что в деревню отправят, впрочем, как обычно, семинариста, только что выскочившего из-за скамьи духовной семинарии. Да и вряд ли данный юноша обрадуется тому, что его посылают в глушь, подальше от столицы, – справедливо заметил виконт. – Но я сегодня же напишу в церковь. Со смерти пастора прошло уже достаточно времени, и его необходимо похоронить не позже завтрашнего вечера. Прошу простить меня, доктор, не буду откладывать это важное дело. – Он поднялся из-за стола, его собеседник тоже, они пожали друг другу руки и разошлись.

Виконт Уилворт сдержал слово: поднявшись в свой кабинет, он написал нужное письмо и отослал его с посыльным. Ответ на прошение пришел этим же вечером: духовные сановники назначили в Вальсингам нового пастора – мистера Литли, уверив виконта, что данный духовный наставник вполне справится с наложенными на него обязанностями, и что он уже выехал в деревню. Виконт желал лично встретиться с тем, кто заменит покойного пастора Глоуфорда, но не успел, однако не огорчился, так как вскоре сам собирался приехать в Риверсхольд и Вальсингам, чтобы посетить девушек Глоуфорд и выразить им свои соболезнования. Виконт все еще был полон надежд того, что граф Дрэймор продаст ему свое поместье, и ждал от друга письма или телеграмму: ехать в Вальсингам сейчас, когда девицы Глоуфорд пребывали в черной тоске и не могли прийти в себя от потери горячо любимого отца, было бессмысленно. Виконт Уилворт сам послал записку в особняк лорда Дрэймора, с просьбой дать адрес графа в Бристоле, но посыльный вернулся с вестью, что граф не оставил адреса для корреспонденции и что лорд вернется лишь в августе.

Не теряя время впустую, на следующий же день после визита мистера Морриса виконт нашел известного голландского психиатра – мистера Генрика Лиабриста, проконсультировался у него насчет болезни мисс Кассандры и поинтересовался возможностью полного или частичного ее выздоровления. История о взрослой

девушке, имеющей сознание и разум ребенка, весьма заинтересовала психиатра, и он попросил виконта привести ее к нему на прием.

– Я сожалею, но мисс Глоуфорд сейчас не в Лондоне и не появится здесь еще около месяца, – ответил на это виконт.

– Жаль, – коротко бросил тот. – Думаю, я смогу помочь девушке.

– Вы считаете, что в силах справиться с ее болезнью? – спросил виконт: слова психиатра вызвали в нем надежду.

– Да, считаю. Вы говорите, ее развитием совсем не занимались? Но умеет ли она хотя бы читать?

– Ее отец считал, что лечение было бы большим грехом – он был очень религиозным человеком.

– Тьма, – усмехнулся на это мистер Лиабрист.

– Но я предполагаю, что чтению ее обучали: ее отец был грамотным и образованным человеком.

– Как далеко от Лондона проживает ваша мисс Глоуфорд?

– В Норфолке. Там есть затерянная деревушка Вальсингам.

– Привезите девушку ко мне, и я осмотрю ее.

– Я искренне благодарен вам за согласие помочь, но в ближайшее время и до конца лета я не смогу доставить мисс Глоуфорд в Лондон. Что, если мы приедем к вам через месяц или два? На днях у девушки погиб отец, и она глубоко переживает и с трудом переносит эту потерю.

– Вы мыслите верно, сэр: после тяжелой потери человеку обязательно требуется время, но, сколько, на это есть много мнений. Каждый человек нуждается в утешении временем столько, сколько заставляяет его природа, а мозг мисс Глоуфорд – очень хрупкий, поэтому не спешите везти ее ко мне. Однако

многолетняя практика показывает, что умственно отсталые люди не понимают всей беды и горечи утраты, – серьезно объяснил собеседнику мистер Лиабрист.

– Не буду возражать, ведь в этой области ваши знания, безусловно, намного превосходят мои. Мисс Глоуфорд требует особого ухода, к тому же ее старшая сестра, вероятно, будет против лечения, и потребуются долгие уговоры, отпустить со мной мисс Кассандру.

Психиатр хмыкнул и деловито поправил очки.

– Это крайне интересный случай, – с легкой улыбкой сказал он.

«Каков циник!» – с неприязнью подумал виконт, недовольный тем, что тот назвал болезнь Кэсси «интересным случаем».

– Я буду глубоко признателен и благодарен вам, если вы поможете девушке, – все же весьма хладнокровно сказал виконт. – Мне безумно жаль ее.

– Тогда, как наступит удобное время, приводите ее ко мне на прием. Я постараюсь сделать все, что в моих силах, – заверил его мистер Лиабрист.

Виконт горячо поблагодарил его и направился домой. Он решил, что новой его задачей было подружиться с Кэсси и стать ее другом, привязать ее к себе, чтобы у мисс Кэтрин не было возможности настаивать на том, что Кэсси не сможет и дня прожить без дома и сестер. Виконт понимал, что его поведение нельзя будет назвать безупречным, но им двигало лишь благородное желание оградить Кэсси от забот и излечить ее больной разум от многолетнего тумана.

Глава 13

Вальсингам готовился к погребению пастора Глоуфорда.

Церковь уже третий день была пустой: в ней не велись работы, не проводились богослужения, а стоял лишь светлый дубовый гроб, в котором лежало тело мертвого пастора, облаченное в лучшие церковные его одежды. В то время как

жители деревни со слезами на глазах приходили прощаться с любимым пастором, его дочь Кэсси бегала на раздолье, веселая и не подозревающая о смерти отца: по просьбе Кэтрин Глоуфорд, вальсингамцы молчали о трагедии и скрывали ее от Кэсси. В церкви циркулировал прохладный воздух, но вне ее стоял жаркий июль, и запах трупного разложения наполнял собой своды здания. Но это обстоятельство не охладило рвения Кэтрин: она целыми днями сидела у гроба отца и читала вслух Писание. Кристин недоумевала поведению старшей сестры, хоть и была расстроена не менее. Кристин приходила в церковь и увещевала Кейт пойти домой, поесть, поспать и отдохнуть, но та упорно отказывалась от отдыха и приходила домой только для того, чтобы показаться на глаза Кэсси и накормить ее, а затем вновь уходила в церковь. Немного обеспокоенная длительным отсутствием отца Кэсси часто спрашивала сестер: «А где же папочка?», но те успокаивали ее ответом: «Он скоро вернется, милая. Его путь домой совсем неблизкий».

Кроме печали от потери любимого всеми пастора, вальсингамцы волновались тем, кто же теперь заменит его, и на третий день после гибели мистера Глоуфорда, в деревне, наконец-то, объявился новый пастор, и обрадованные жители нарочно вышли прямо к дороге, чтобы поприветствовать его.

Новым пастором Вальсингама, назначенным Англиканской церковью, оказался молодой мужчина: он был высоким, худым, рыжеволосым, и его продолговатое бледное лицо было усыпано крупными веснушками, что придавало ему несколько загадочный вид (незамужние обитательницы деревни тотчас же положили на него глаз). Мистер Литли (так звали нового пастора) смутился таким горячим приемом, но Кэтрин, все-таки покинувшая тело своего мертвого отца на пару часов, тут же заявила ему о необходимости сегодня же провести похороны. Мистер Литли устал от долгой дороги, но не смог отказать напору мисс Глоуфорд. Пастора Глоуфорда похоронили в тот же вечер. Кэсси на похоронах не присутствовала: во время похорон она и дети играли на реке.

Похороны прошли скромно. Пастора погребли рядом с могилой его усопшей супруги Эммы. Всю церемонию крестьяне плакали и громко всхлипывали, а Кэтрин и Кристин, взявшись за руки и со слезами на глазах, смотрели, как земля поглощает их любимого отца. Новый пастор заунывно прочитал Писание и молитвы, но сделал все, как полагалось. Только после похорон мистера Литли отвели в его новое жилище – им стал дом мясника Фреда, умершего этой зимой от обморожения.

Мистер Литли был неприятно поражен тем, в какую «забытую Богом дыру» заслала его Церковь, но, увидев, с каким уважением и почтением относится к нему его новая паства, и почувствовав свою власть над этими религиозными глупыми крестьянами, он подавил в себе недовольство и отвращение и решил смириться с судьбой. К тому же он не мог не заметить того, как много было в деревушке красивых девушек. Особенно ему приглянулась мисс Кэтрин Глоуфорд: она привлекла его своей скорбной красотой и смирением, с которым переносила смерть отца. Пастор осмотрел свой новый дом, крестьяне помогли ему разгрузить телегу с вещами, хоть их было совсем немного, и все разошлись по домам.

Двери и окна церкви остались открытыми на всю ночь, чтобы из нее выветрился трупный запах покойного пастора.

Кейт и Кристин вернулись с похорон в свой убогий дом, молча поужинали, затем Кэтрин открыла Писание, чтобы утешить им свою душу. Когда стемнело, домой прибежала Кэсси, усталая от долгого дня, жары и бега по полям, поэтому, не поужинав, она рухнула на свой тюфяк, спросила: «А папочка еще не вернулся?» и тут же заснула глубоким детским сном.

Кристин легла спать вслед за Кэсси. Кэтрин еще недолго читала Писание, затем собрала одежду и вещи отца, чтобы раздать их мужчинам деревни, и только тогда добралась до кровати. Старшая Глоуфорд очень утомилась и душой, и телом, но с завтрашнего дня возобновлялись работы на поле, так как длительный траур был для вальсингамцев слишком большой роскошью.

Крестьяне получили долгожданную утреню следующим же утром и порадовали ею свои сердца. Пришли и сестры Глоуфорд, и Кэсси очень смутились увидев, что проводил утреню не ее отец, а совершенно чужой, незнакомый человек, «странный конопатый мужчина», как сказала она сестрам. Спросив у сестер, почему все так, Кэсси получила ответ, что пастор Литли всего лишь заменяет их отца до тех пор, пока тот не вернется из путешествия, и эти слова успокоили разволновавшуюся девушку.

Мистер Литли провел утреню весьма складно, но, имея лишь скудный опыт проведения церковных служб, закончил ее довольно быстро, однако вальсингамцы простили ему это, решив, что новому пастору, естественно, нужно время, но они уже полюбили его за то, что он стал их новым духовным наставником и вернул им радость, службы и пасторское око пред лицом Господа.

После утрени новый пастор пожелал познакомиться с прихожанами, но обязанность последних работать в поле нарушила его благородные планы, и он решил зайти в каждый дом, в каждую семью лично, вечером и во все последующие вечера, чтобы не отвлекать трудящихся от работы.

Так как мистеру Литли исполнилось тридцать лет, отправляя его в Вальсингам, духовные отцы посоветовали молодому человеку как можно скорее выбрать достойную деревенскую девушку, жениться и завести семью, ведь этот, безусловно, нужный поступок придаст молодому пастору вес в обществе деревни, к тому же, появление жены и детей помогут бывшему городскому жителю скрасить жизнь в далеком от цивилизации Вальсингаме. Без сомнения, отправляясь к месту назначения, мистер Литли не надеялся на богатый приход, но не ожидал и того, что его пошлют в такую бедную деревню, однако, насмотревшись на скромную, естественную красоту вальсингамских девушек, он воспрял духом и решил в точности исполнить советы церкви и обзавестись женой. Поэтому, внимательно рассмотрев всех девушек, включая девиц Глоуфорд, молодой пастор решил, что красивая, хозяйственная и глубоко верующая Кэтрин (об этом ему шепнул местный сплетник) будет достойной супругой для такого значимого человека, как он. К тому же, зная о том, что Кэтрин – дочь покойного пастора и что весь Вальсингам любит и уважает ее, пастор Литли еще более укрепился в своем намерении посвататься к этой девушке.

Вечером, когда крестьяне вернулись с поля, пастор выждал час, чтобы дать Глоуфордам возможность отдохнуть и привести себя в порядок, надел свой лучший городской костюм, направился к дому девушек и легко нашел его (местные жители с удовольствием указали ему путь). Было еще светло, поэтому мистер Литли не боялся, что разбудит девушек, тем более, в маленьком окошке горел тусклый огонек свечи. Пастор твердо постучал в хлипкую деревянную дверь и застыл в ожидании. Он уже приготовился сделать элегантный поклон, рассчитывая, что дверь откроет именно Кэтрин, но его ожидало разочарование: дверь открылась, и с порога на него смотрела удивительно красивая девушка с распущенными золотистыми кудрями.

– А-а-а! – вдруг радостно вскрикнула она, и удивленный пастор вздрогнул от неожиданности. – Это тот конопатый мужчина! – крикнула девушка куда-то в дом, а затем уставилась на него. – А вы надолго приехали? Вы знаете моего папу? Вы видели его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/morion_anna/val-singamskie-devy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)